

Дарья Кузнецова

ЩЕЛОТКА ПОРОХА
НА ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Дарья Кузнецова

Щепотка пороха на горсть земли

«Дарья Кузнецова»

2023

Кузнецова Д. А.

Щепотка пороха на горсть земли / Д. А. Кузнецова — «Дарья Кузнецова», 2023

Рождественская губерния велика и неспокойна, и сил сыскной полиции на все её медвежьи углы не хватает. Поэтому расследовать убийство в тихий городок со звучным названием Шналь отправляется бывший флотский офицер, а ныне – вольный охотник за головами Дмитрий Косоруков. На здешних холмах пасутся мамонты, градоначальницей местные жители избрали себе девчонку двадцати лет, в лесу можно запросто встретить чжурского шамана и попасть на зуб упырю. И если бы только этим ограничивались странности тихого городка! Шналь и его хозяйка Анна Набель готовы открыть заезжему охотнику свои тайны. Вот только что они попросят взамен?

© Кузнецова Д. А., 2023

© Дарья Кузнецова, 2023

Содержание

Глава 1. Одинокий всадник	5
Глава 2. Перекати-поле	14
Глава 3. Маленький большой человек	24
Глава 4. Снова в седле	37
Глава 5. Пресловутый прииск	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарья Кузнецова

Щепотка пороха на горсть земли

Глава 1. Одинокий всадник

Впервые увидев живого мамонта, Дмитрий Косоруков размашисто перекрестился, хотя никогда не был истово верующим, а Божьему заступничеству предпочитал пару надёжных револьверов. Но тут вышло как-то само собой, потому что воспитание не позволило в голос материться, стоя посреди вокзала, а крестное знамение вряд ли могло кого-то задеть. Зато спешащие люди, привычные к такому зрелищу, быстро задели самого Дмитрия, пришлось брать себя в руки, поправлять висящую на плече сумку и шагать по платформе в широком ручье пассажиров. Но на стоящее в отдалении диковинное чудовище он нет-нет да и поглядывал – с опаской, любопытством и ожиданием.

Сложно сказать, чего именно он ждал от зверя.

Вряд ли того, что огромное чудовище, покрытое коротким ёжиком стриженной бурой шерсти, исчезнет подобно видению: о реальности этих гигантов Дмитрий прекрасно знал и до этой поездки. Любой офицер знал, потому что из мамонтовой шерсти шили отличные шинели, тёплые и ноские. Но знать – одно, а видеть своими глазами чудовище не меньше двух саженей в высоту – совсем не то же самое.

Скорее, Дмитрий ждал, что громадине надоест мельтешение под её брюхом, и вот тогда...

Но мамонт невозмутимо потряхивал большой шишковатой головой со спиленными бивнями, отгоняя мух, лениво тягал хоботом пучки сена со стоящей тут же тачки и неспешно пережёвывал, игнорируя человеческую суету вокруг громадной тяжёлой трёхосной телеги, на которую грузили тюки и ящики.

Второй мамонт, ещё больше первого, попал в поле зрения, когда Дмитрий миновал небольшое обшарпанное здание вокзала станции. Гигант тянул крытый фургон и выглядел столь же сонным и ленивым, как первый. Он уже не стал неожиданностью, но Дмитрию подумалось, что привыкнуть к этому будет сложно.

Мысль мелькнула и ушла, потому что наконец открылся вид на привокзальную площадь, и стало понятно, что с выводами он поспешил.

Большой железнодорожный узел Хинга, через которую проходила Великая магистраль, связавшая длинной прочной нитью восточные и западные моря, была для Косорукова перевалочным пунктом. Конечная цель его пути, медвежий угол со звучным именем Шналь, лежала в стороне от надёжных дорог и больших городов, а эта станция была к ней ближайшей. Дальнейший путь предстояло проделать на лошади, которую для начала требовалось найти.

Хорошая новость состояла в том, что они здесь тоже были. В стороне под приметным, свежeverкрашенным полосатым чёрно-жёлтым столбом стояла пара извозчиков с потёртыми дрожками и дремлющими, невзирая на шум и гвалт, лошадьми. В толчее виднелись всадники, через площадь катилось несколько разномастных экипажей, вдоль дальнего края площади пара серых рысаков с достоинством влекла чёрное ландо, блестящее свежим лаком и кожей, которое издалека казалось новеньким и чистым.

А вот плохая... Впрочем, нет, что плохого в любви местных к мамонтам? Дмитрия это никоим образом не касалось, только стало понятно, что привыкать придётся быстрее: гиганты с хоботами служили тут главным гужевым транспортом, который ещё даже не начали сменять автомобили. Они тягали фуры и омнибусы, и их было много. Скорее по общей массе, конечно, чем по количеству, потому что всего шесть, но...

О том, что шерстистых громадин разводили именно в этих краях, переняв манеру от желтокожих дикарей, Косоруков действительно забыл. Как и о самих дикарях чжурах: война была не с ними, с империей Чинь, а племена... Да что племена! Кого они волнуют. Даже когда кто-то из вождей решал присоединиться к одной из сторон, от них, по рассказам пехотных, было больше вреда, чем пользы. Только как проводники и годились, да и то толковый воздушник легко мог заменить их знания.

Косоруков скривился, надвинул шляпу пониже, чтобы закрывала лицо от палящего солнца, и двинулся через площадь, прикидывая, к кому лучше обратиться с вопросом – то ли к лоточникам, то ли...

Вопрос решился сам собой, когда дорогу ему заступил немолодой городской в форменной фуражке и пропылённом холщовом кителе, из гвардейских унтеров.

– Городовой Петров, – назвалса он, тронув фуражку. – Вы, сударь, в город наш по какой надобности?

– Здравия желаю, – ответил тем же жестом, – Косоруков, Дмитрий Михайлович, лейтенант его императорского величества флота в отставке, ныне – вольный охотник за головами.

– И по чью же душу вы в наших краях? – заметно потеплевшим тоном уточнил городской. – Неужто в наш спокойный город?

– Дальше, – Дмитрий махнул рукой в сторону солнца. – Тут-то, гляжу, спокойно.

– Да уж, спокойно! Так уж спокойно, что и не знаешь, как быть! – разворчался он.

В лице скучающего городского Дмитрий нашёл неиссякаемый источник сведений, не всегда полезных, но разнообразных. Петров жаловался на бандитский разгул, впрочем обычный для всей губернии в мутное послевоенное время, на сухую жару, стоявшую уже третью неделю, на подскочившие цены на коровье молоко, а мамонтовое не всякий раз пить сможешь, на...

Косоруков насилиу отделался от него минут через десять, но зато теперь знал, где можно взять лошадь внаём, где ближайший участок, в котором можно получить на руки розыскные листовки, где – недорого и хорошо пообедать, а где – взять провизию в дорогу без риска нарваться на гнильё. Со слов Петрова, конечно, но он же и сам с глазами, выберет как-нибудь!

И если с провизией и обедом расчёт оправдался, то с лошадью всё оказалось не столь радужно. Давал хозяин всего трёх кляч, а просил за них, включая залог, – как за горячих верховых лучших кровей. Сторговаться за те деньги, которых лошади действительно стоили, не вышло, но переплатил Косоруков в итоге немного и больше за собственное нетерпение: не хотелось шататься по городу в поисках других, более приличных вариантов. Да и много ли ему от этой лошади надо – дневной переход. Гнедая была вислозадой, с длинной слабой спиной и короткими ногами, всех достоинств – точёная голова на длинной шее, словно приставленная от другого тела. Её даже звали Зорькой. Кому вообще могло прийти в голову назвать лошадь Зорькой?..

Городом Хинга оказалась небольшим, но просторным, с широкими улицами и низкими домами в окружении деревьев. Из-за сухой погоды над мостовой висела тонкая серая пыль, она скрипела на зубах, оседала на коже и покрывала всё вокруг тонким белёсым налётом, отчего город казался выцветшим и блёклым. Да и не только город, лес вдоль широкой укатанной дороги – тоже.

Солнце начала лета в Рождественске обжигало, но грело плохо, потому что ледяной ветер с моря ещё не переменялся. Вот во второй половине лета, когда потянет с суши, город раскалится до невозможности спокойно выйти на улицу, а пока там часто пригождалась куртка. Здесь же, в глубине материка, лето уже давно воцарилось и дышало сухим жаром. Неизвестно, что хуже.

К счастью, потёртые летние форменные штаны и простая рубашка из белёного льна неплохо показывали себя и по такой погоде, так что от жары Косоруков страдал, но умеренно.

Солнце нещадно палило, стоя в зените, и гнедая топала по пыли настолько лениво, что казалось – того и гляди уснёт и вовсе остановится. Дмитрий не пытался её понукать, на него погода тоже действовала отупляюще. Наверное, стоило бы переждать и не тащиться в самое пекло, но не хотелось терять время, а большой разницы между жарой в тёмном, но душном помещении или на пропечённом солнцем, но свежем воздухе он не видел. В кабаке, конечно, имелся прохладный душистый квас – хоть залейся, но Косоруков предпочитал медленно двигаться вперёд, а не заливаться на месте, ожидая у моря погоды.

Над дорогой он пока не задумывался. Она ползла строго на юг, в том же направлении располагался городок Шналь, и доставать карту не было нужды.

Чуть сильнее, чем направление и жара, беспокоили помянутые Петровым бандиты, по такой погоде как раз самое время грабить сонных путников. Но всерьёз об этом Дмитрий не волновался: сдался кому-то одинокий мужчина, вооружённый до зубов и на плохой кляче! Ясно же, золота с него не поиметь, а вот свинца – можно.

Косоруков родился в столичном Павлограде на другом конце огромной империи, вырос среди тамошних туманов и болот и, честно говоря, никогда их не любил, считая климат родного города отвратительным и тяжёлым. Но жизнь, как часто водится, показала всю глубину его заблуждений, когда молодого выпускника военно-морского училища отправили для прохождения службы через всю страну на Восточный флот, в город-порт Дальний вблизи губернского Рождественска. Вот там-то он и понял, что недооценивал спокойствия и уюта родного Павлограда.

Шесть лет службы на гиганте-броненосце «Князь Светлицкий», три из которых – военные, Дмитрий безуспешно пытался привыкнуть к ледяным штормам, к палящему зною и безжалостному холоду, влажному и оттого ещё более лютomu, чем обычно. Форменные рукавицы зимой примерзали к леерам и обшивке, а сквозь них, кажется, примерзали и руки. Летом касаться железа было ещё опаснее – раскалённое на солнце, оно обжигало. Хуже было только в зимние сражения, когда жар с холодом встречались и вместо того, чтобы усмирить друг друга, терзали людей сообща.

Как выживали в таких условиях неодарённые рядовые матросы и младший командный состав – Косоруков не понимал. Даже с силой в крови это было сложно, а уж без неё...

Можно было бы посчитать насмешкой судьбы и случаем испытать это на себе, когда полтора года назад, за полгода до окончания войны, тогда ещё мичман Косоруков выгорел в бою при Белом мысе и перестал быть волшебником. Но тот же самый бой стал последним и для «Князя Светлицкого» вместе со всей его оснасткой и экипажем. По всем приметам и Дмитрий должен был погибнуть в густой от холода, тёмной как свинец воде, ставшей для них братской могилой, но кто-то где-то решил иначе, и его спасли. Сам он не помнил, кто и как, но очнулся в госпитале в положении военнопленного.

Три месяца плена он не мог бы назвать счастливым периодом своей жизни, но и зла на противника не держал, даже в какой-то мере был благодарен: спасли, выходили, да и после госпиталя обращались сносно. Кормили паршиво, так что восстанавливался после контузии и выгорания он долго и трудно, но – кормили, и не вовсе уж отбросами. Работать на шахте заставляли, но не до смерти и изнеможения, а ему отдельно повезло: когда стало ясно, что он неплохо ладит с механизмами и понимает в паровых котлах, для Косорукова нашлась работа почище, по специальности.

Потом был обмен, госпиталь уже свой, допросы военной полиции...

Окончание войны год назад Дмитрий встретил счастливо комиссованным по ранению лейтенантом с грошовой пенсией, нервно звенящей пустотой там, где когда-то плескалась сила и множеством открытых дорог. Проще говоря, мог катиться на все четыре стороны, а что он там собирался делать – никого не волновало. В родном Павлограде его никто не ждал – родители умерли, братьев-сестёр не было, их квартиру в доходном доме давно заняли другие люди,

особой любви к малой родине как не было, так и не возникло, – и проще оказалось остаться здесь, чем возвращаться в далёкий город безнадежно ушедшей юности.

В такой ситуации засилье в губернии хорошо вооружённых банд, порой даже с волшебниками в их рядах, Косорукова совершенно не удивляло: он сам имел хорошие шансы пойти по той же дорожке и пополнить их ряды. Но выбрал другую сторону. Служба в полиции его не прельщала, а вот указ императора, разрешивший привлечь к ловле преступников всех желающих, оказался очень кстати. И Косоруков, отличный стрелок с офицерским званием, без труда получил лицензию охотника за головами.

Решение оказалось удачным, и за без малого год он заработал приятную сумму и отличную репутацию, по большей части даже не отъезжая далеко от Рождественска, где объектов для охоты тоже хватало с избытком.

Репутация и привела его сюда, на дальний конец Рождественской губернии.

Дело, по которому он ехал в Шналь, было вообще-то делом сыскной полиции, но сил той не хватало и на города, что говорить о столь глухих углах! Абы кому его не поручишь, а тут подвернулся Косоруков, которого посчитали достаточно надёжным и сообразительным. Вознаграждение того стоило, и Дмитрий, которого ничто на месте не держало, легко согласился поехать.

Что до этого «дальнего конца» действительно далеко, трое суток поездом, а потом ещё верхами не пойми сколько, он сообразил уже потом. Рождественская губерния не чета родной Павлоградской, раз в десять больше.

К этому тоже сложно было привыкнуть: к тому, как местные считали расстояния. На диких лесных просторах восточной части империи тысяча вёрст считалась небольшим расстоянием, если из конца в конец тянулась железная дорога или в двух концах имелись причальные вышки аэростатов.

Дорога оказалась накатанной и совсем не дикой. Кроме Шнали, в том направлении лежало ещё без счёту мелких и не очень поселений, навстречу нередко попадались другие путники, пару раз он обогнал пеших. За дорогой смотрел вполглаза, чуть взбодрившись только тогда, когда навстречу показалось пыльное облако. Приблизившись, оно обрело очертания очередного мамонта, тянущего фуру, и тут даже Зорька встрепенулась, заволновалась и задёргалась. Не сразу Дмитрий сообразил, что это она пытается вздыбиться или поддать задом: брыкалась кобыла столь же лениво, как шла. Когда он осадил её, гнедая оглянулась с явно отпечатанным на морде изумлением. Кажется, впервые в жизни ей достался наездник, который знал, как обращаться с верховыми. Жаль только, саму Зорьку никто не предупредил, что она – именно такая.

Разминувшись с мамонтом, кобыла очень быстро впала в прежнее вялое оцепенение, а чуть погода – и её хозяин.

Сухая дорога стелилась гладко, несмотря на неспешность кобылы. То ныряла в густой лес, тихий и наполненный запахом нагретой хвои, то поднималась на холм и вдруг выводила на открытое каменистое плато, то вброд пересекала мелкие речушки, где всадник неизменно останавливался освежиться – холодная вода бодрила.

Экономить воду в таких условиях не было никакого смысла, и Дмитрий то и дело прикладывался к фляжке. Та была тёплой, но при царящей вокруг жаре казалась освежающей, а пополнять запасы можно было в деревенских колодцах по дороге или ручьях.

Пару раз Косоруков спрашивал у встречных о правильности пути. К вооружённому человеку те относились насторожённо, но он был один, держался вежливо, и его в конце концов обнадёживали, что не потеряется и дорога эта прямоком идёт в Шналь. Местные поминали городок со странным выражением – не то опаской, не то уважением, Дмитрий так и не разобрал. Не крестились и не бежали в страхе – и ладно.

Один раз охотник завернул в деревню, которую разглядел с пригорка чуть в стороне от дороги. Пасущиеся в отдалении мамонты уже воспринимались обычной деталью пейзажа, как и основательные дома, бревенчатые на каменных основаниях. Колодец нашёлся почти в центре деревни, и до него Зорька топала по пустынной улице – то ли зной загнал всех по домам, то ли работа растащила. Напротив колодца, на скамейке в тени, сидели три пропечённых солнцем старика, шушукавшихся между собой. Дмитрий поприветствовал их, склонив голову и приподняв шляпу; жители ответили кивками, но примолкли и внимательно следили за тем, как он крутит ворот, поднимая привязанное деревянное ведро – перекошенное, потемневшее, но ещё прочное и вполне способное наполнить фляги и напоить лошадь.

В деревне Косоруков не задержался, тем более заворачивал он не столько за водой, сколько свериться с картой. И на ночлег остановился не в одном из поселений, а в лесу: ночи тоже стояли тёплые, не хотелось маяться с ночлегом. По карте, конечно, до Шнали было около дневного перехода, но нормального перехода, а не вот такого вялого, нога за ногу, с постоянными остановками. Да и Хингу Дмитрий покинул далеко не утром.

На второй день дорога вплотную подобралась к невысоким горам, среди которых и ютился городок Шналь. Здесь уже чаще попадались звериные следы, чем человеческие, а дорога стала гораздо хуже. Мамонт с фурой пройдёт, а вот соваться сюда на лёгкой карете не стоило и думать. Зорька начала чаще спотыкаться, после каждого раза тяжело вздыхала и предпринимала попытку остановиться, так что приходилось быть начеку.

Некоторое время одинокого всадника сопровождала крупная хищная птица, паря над его головой, и Дмитрий то и дело поглядывал на неё, прикидывая, стоит считать это дурным знаком или, наоборот, хорошим, потому что на падальщика невольный спутник не походил.

Несколько раз на открытых каменистых равнинах Косоруков терял дорогу, но в конце концов всё равно на неё возвращался. Однако то ли по этой причине, то ли он изначально недооценил по карте расстояние, то ли Зорькина лень сказала, но и за этот день он до Шнали не доехал, пришлось снова останавливаться на ночлег. Благо предусмотрительность заставила взять и еды, и овса для лошади с запасом.

До города Дмитрий добрался уже во второй половине третьего дня, и как-то вдруг. Вот только что кобыла брела по лесу вдоль небольшой речушки, которая то приближалась к дороге, укрывая её густыми кронами местного ракитника, и тогда Зорька оживлялась, переходила на скорый шаг и принималась усерднее работать хвостом, отгоняя гнус, то отходила подальше, открывая путника палящему солнцу.

А вот речка вместе с лесом вильнула в сторону, холм отступил в другую, и открылся вид на небольшое плато, позади которого высились почти настоящие горы, прежде изредка мелькавшие на горизонте.

Шналь, город старателей и пастухов, на первый взгляд казался ненамного больше некоторых оставшихся позади посёлков, но действительно походил на город, а не на большую деревню. Половина домов была каменной, в два полных этажа, а несколько – и в три. Над городком ослепительно сиял золочёный купол чистенькой белой церкви. У Шнали имелся и пригород: по склонам холмов карабкались деревянные домики поменьше, с обязательными огородами и садами. Мамонтов и прочей крупной живности в обозримом пространстве не наблюдалось.

Пользуясь тем, что всадник расслабился и зазевался, Зорька окончательно остановилась. Её, в отличие от нормальных лошадей, близость жилья не вдохновляла, а вот пропылённый низкий куст у дороги – вполне. Кобыла потянулась к нему, а потом вдруг дёрнулась и отступила на два шага.

А из куста выкатился ёж. Обыкновенный ёж, с иголками, свернувшийся клубком. Дмитрий в жизни никогда не предположил бы, что они могут вот так кататься, а этот – мог. Больше того, потеряв в скорости, ёж прямо на глазах изумлённого зрителя развернулся, разогнал

в два прыжка, продемонстрировав совсем не по-ежиному длинные лапки, в прыжке опять свернулся в клубок, покатился дальше и скрылся в кустах на противоположной стороне дороги.

Всадник пару мгновений ошарашенно таращился на потревоженную ежом листву, потом тряхнул головой, поправил шляпу и взбодрил кобылу. Если бы не поведение последней, точно решил бы, что перегрелся на солнце, оттого и примерещилось.

Местные реагировали на пришельца... да никак они на него не реагировали. Кто-то с любопытством провожал взглядом, кто-то не замечал – неожиданное поведение для такого обособленного поселения, где все друг друга прекрасно знали. Но Шналь отказывался укладываться в привычный шаблон, и подозрительной наружности мужчина с револьверами и притороченным к седлу карабином вызывал не больше беспокойства, чем...

Ежи. Тот, первый, был именно первым, а не единственным. Пока Зорька шагала по достаточно широкой улице, Дмитрий заметил троих, а местные перешагивали их или пропускали перед собой как нечто само собой разумеющееся. Двигались ежи проворно, так что рассмотреть внимательнее не получалось, но на третьем убедился – от привычных зверьков их отличали не только высокие лапы и странное поведение, но как будто и вид иголок, и даже морды. Чтобы рассмотреть внимательнее, пришлось бы одного подстрелить, но охота на ежей в ближайшие планы не входила, да и в отдалённые – тоже. Добыча – пулю жаль потратить.

Ближе к центру вдоль улицы начали попадаться разнообразные лавки, своим существованием подтверждавшие статус города. И обувная мастерская, и швея, и «лавка всякой всячины», как гласила вывеска, и даже готовое платье продавали, и мебельная мастерская с услугами краснодеревщика – всё было, а значит, всем этим явно кто-то пользовался и Шналь не бедствовал. Да и вид ухоженных, чистых улиц говорил о том же.

На центральной площади, куда вливались четыре улицы, располагалось четыре самых важных здания: по левую руку от Косорукова оказался трёхэтажный, крашенный в нежно-розовый цвет «Имперский банк», построенный в классическом стиле, справа – «Мамонтова горка. Трактирь», тоже в три этажа, но попроще и массивнее, такая грубая серая коробка с верандой под дощатой крышей, на которой стояло несколько простых деревянных скамей, сейчас пустующих.

На противоположном конце площади справа белела небольшая, но очень аккуратная и симпатичная церковь, окружённая ухоженным палисадником, – та самая, которую было видно от въезда в город, а слева – ещё одно трёхэтажное здание в стиле привычного и родного павлоградскому глазу классицизма, только мрачновато-сизое. На двери блестела медью небольшая табличка с надписью «Городская управа». А чуть дальше, в конце короткого тупика между церковью и управой, торчало очень высокое и широкое, крашенное в весёлый зелёный цвет строение, больше всего напоминающее обыкновенный амбар, очень неуместный на этой живописной площади.

Перед «Мамонтовой горкой» имелась, как продолжение веранды с её лёгкой крышей из горбыля и соломы, пустующая сейчас коновязь, ею Косоруков и воспользовался. Ослабил кобыле подпруги, снял с седла сумку с личными пожитками и карабин и решительно двинулся через площадь к управе, отложив мысль о хорошем обеде и прочих удовольствиях на неопределённое «потом». Сначала – дело.

Скрипучая тяжёлая дверь привела в пустой гулкий холл с белёными стенами, выложенным тёмной каменной плиткой полом и единственным элементом обстановки посередине – старой деревянной лестницей в два пролёта, ведущей на второй этаж. Здесь пахло пыльным деревом и сухим старым лаком, его покрывавшим, было оглушительно тихо, прохладно и после яркого солнца на улице – темно, так что Дмитрий немного постоял при входе, привыкая к полумраку, едва разбавленному светом из пары небольших окон вверху первого пролёта – там, где лестница расходилась на две стороны.

Из холла вело три одинаковых двери без табличек. Косоруков, лязгая по камню подкованными сапогами и недовольно морщась от этого звука, педантично проверил все, и все оказались заперты, так что остался один путь – наверх.

Лестница тоже скрипела, но музыкально, на разные голоса, так что наверх он поднялся уже с усмешкой, представляя, как кто-нибудь мог бы сыграть на таком вот «инструменте».

На втором этаже определиться с дорогой оказалось проще, там справа от лестницы имела двустворчатая дверь с латунной табличкой на ней «Городской голова А. П. Набель». Фамилия и должность соответствовали тем, которые значились в предписании, так что Дмитрий, постучав и не получив ответа, решительно повернул ручку и открыл дверь. Следовало представиться, сообщить о своём прибытии и попросить о содействии. Его отдельно предупредили, что свидетельства градоначальника будет достаточно для подтверждения вины указанного охотником убийцы, и следовало сразу наладить хорошие отношения с таким важным человеком. Подтасовывать Косоруков ничего не собирался, предпочитал делать свою работу тщательно, пусть и такую непривычную, но лишних препон от местных властей не хотелось.

Внутри всё тоже было как полагается: без роскошества, но очень недурно. В темноватой приёмной с единственным окном и серо-зелёными обоями в полоску стояло несколько стульев с высокими гнутыми спинками, пара забытых толстыми папками шкафов и секретарский стол, на котором гордо возвышалась пишущая машинка и рядом с ней – потемневшая латунная керосиновая лампа. В остальном приёмная пустовала, зато была приоткрыта дверь напротив, чем посетитель и воспользовался.

Кабинет оказался гораздо более светлым: в угловой комнате было четыре окна, на юг и восток, так что успевшие привыкнуть к сумраку глаза в первый момент резануло. Тут обои на стенах были то ли серебристо-голубыми, то ли просто выгорели до такого бледного тона. При входе слева имелся большой и массивный платяной шкаф, несколько шкафов книжных, также заполненных папками и разномастными томами, а кроме того – основательный письменный стол с лампой под пузатым плафоном из матового стекла в бронзовом переплёте. За столом имелось кресло дворцового вида, с гобеленовой обивкой, и ещё пара таких ожидала просителей перед этим столом. А справа от входа нашлась лоснящаяся от времени оттоманка с резной спинкой, которую Дмитрий заметил в последнюю очередь, и вот как раз она была занята.

– Кхм, – кашлянул Косоруков и, опомнившись, снял шляпу, неловко пригладил стриженные каштановые волосы, пегие от ранней седины. – Доброго дня, сударыня. А где господин Набель?

– Господина Набеля нет, – невозмутимо отозвалась девушка, не прерывая своего занятия.

Она была молода, лет двадцати с небольшим на вид. Медно-рыжие волнистые волосы, собранные в небрежный пучок, держала пара длинных деревянных шпилек на чиньский манер, легкомысленная белая блуза открывала загорелые плечи, но пышной длинной оборкой целомудренно прикрывала грудь, талию охватывал серый корсаж, а синяя юбка в тонкую белую полоску натягивалась на острых коленках, пряча, однако, всё, что полагалось прятать, под несколькими воланами: сидела девушка, подобрав ноги под себя. И занималась при этом самым женским делом: неспешно, даже с каким-то удовольствием на лице штопала полосатый чулок.

Низкие ботиночки на шнурках стояли на полу перед оттоманкой.

– А когда он появится? – уточнил Дмитрий неловко.

Девушка была такой чистенькой, аккуратненькой и хорошенькой, а легкомысленный наряд настолько ярко подчёркивал свежесть и живость, что рядом с ней Косоруков вдруг пронзительно остро ощутил всю неделю пути – сначала в прокуренном вагоне, потом верхом под палящим солнцем – на собственном лице и всём остальном. И виновато подумал, что вообще-то можно было бы и побриться, да и заночевать где-то в деревне, в баньке выпариться,

чтобы не трясти тут пылью на чистый вощёный паркет. Или хоть здесь для начала найти комнату, привести себя в божеский вид, а потом уже...

– В лучшем случае – года через три, – вздохнула девушка и подняла наконец взгляд на собеседника. – Но велика вероятность, что никогда.

Почему-то он думал, что глаза у неё должны быть зелёными, ведьминскими, рыжая же. Оказалось – нет, светло-карие, в желтизну, но... да, в общем, тоже колдовские.

– Что значит – никогда? – опешил Косоруков и едва не выронил шляпу, которую до сих пор неловко вертел в руках.

– А почему это вас так смущает? – проговорила она и обвела пришельца испытующим взглядом – сверху вниз и, медленнее, обратно, снизу вверх, от пыльных сапог по вылинявшим до непонятно цвета штанам к револьверам на боках, по тёмной от пота и пыли рубашке, по вещмешку на плече и карабину, к заросшему бурой щетиной лицу и тёмно-серым глазам. – Неужели претендуете?

– На что? – окончательно растерялся Дмитрий. И тут же рассердился – на себя за то, что стоит и неловко что-то мямлит, и немного на собеседницу за то, как странно она держится, и не поймёшь – приличная девушка или нет и что вообще тут забыла? – Послушайте, сударыня, мне нужен господин Набель, здешний городской голова. Что значит – его нет? А вы кто?

– Я почему-то так и подумала, – непонятно вздохнула она, отложила шитьё и, придерживая юбку, спустила ноги на пол, ощупью нащарила обувь. Шнурки затягивать не стала, поднялась под полным недоумения взглядом, поправила на боку не замеченную ранее кобуру с револьвером, подобрала шитьё и отнесла его в ящик стола. После чего обернулась, привалилась бедром к столу сбоку и скрестила руки на груди. – Господина Набеля не существует, последний умер в начале войны. А градоправитель – Анна Павловна Набель. К вашим услугам, сударь. Как вы можете догадаться, братьев и дядёв у меня нет, а если вдруг появится супруг, он вряд ли возьмёт мою фамилию. Поэтому вряд ли желанный вам господин Набель вообще появится в этом городе.

Дмитрий не сразу включился обратно в разговор, потому что не сразу сумел отвести взгляд от длиннотельного Торка сорок четвёртого калибра, который красовался на женском бедре. Очень... неженское оружие. Косоруков вообще считал оружие неженской вещью, но мог бы допустить, чтобы в такой глуши девушка носила что-то для самозащиты. Маленькое, соразмерное узкой ладони, но никак не сорок четвёртый калибр с его отдачей! Она вообще пробовала из него стрелять? Её же попросту снесёт! Нельзя сказать, что совсем уж тонкая или хрупкая, но всё равно не того сложения, чтобы представить её с этим детищем Туровской мануфактуры Торкунова в деле!

Собрался с мыслями он только на «к вашим услугам», а к концу дальнейшего монолога сумел справиться с негодованием и всеми вопросами. Бес знает, как и за какие заслуги местные терпят над собой субтильную девицу, не его это дело. Главное, чтобы она палки в колёса совать не надумала.

– Косоруков, Дмитрий Михайлович, – назвал он и достал из подсумка, висящего на ремне справа, дальше кобуры, запечатанный конверт, подписанный начальником сыскной полиции Рождественска и адресованный городскому голове. – Прибыл расследовать дело о смерти Антона Петровича Шалюкова, казначейского проверяющего, и задержать его убийцу.

– Убийцу... Вы на упырей охотиться прибыли, что ли? – Анна выразительно приподняла густые тёмные брови, не спеша распечатывать конверт.

– А здесь много упырей? – уточнил Косоруков.

– Хватает, – спокойно пожала плечами девушка.

– На них жалоб не поступало, но можно и поохотиться, отчего нет.

– Так Шалюкова вроде бы они задрали? Что тут ещё расследовать? Вам конкретный нужен?

– Ну если здешние упыри умеют обращаться с огнестрельным оружием, – он пожал плечами. – Судебный врач при осмотре останков нашёл дробь в груди, а зверьё уже труп обглодало. Разве вы не знали? Его же нашли совсем рядом с городом.

– О результатах осмотра тела нам никто не докладывал, – отозвалась она и выразительно похлопала конвертом по ладони: – До сих пор, полагаю. Вы сыщик?

– Не совсем. Я охотник за головами.

– В сыскной полиции Рождественска закончились люди? – хмыкнула она. – Теперь важные для империи преступления расследуют наёмные головорезы?

– Такие, кого можно на месяц оторвать от других дел, чтобы отправить в этот медвежий угол, полагаю, и не начинались, – поморщился Дмитрий, но от иного выражения собственного неудовольствия удержался.

Отчётливое пренебрежение в голосе собеседницы окончательно отбило всякое желание относиться к ней как к привлекательной молодой девушке, однако ругаться и спорить по пустякам он всё равно не собирался. А вот в кратчайшие сроки разобраться, кто и зачем пристрелил Шалюкова, и вернуться обратно в пусть не родные, но привычные уже места – планировал.

Пока главным мотивом убийства одинокого и совершенно серого человека без личной жизни, каким рисовали убитого знакомые, коллеги и соседи, считался профессиональный. А учитывая, что основным полем его деятельности был здешний золотой прииск, то и искать стоило в его окрестности. Старый опытный сыщик, который наставлял Дмитрия перед поездкой, во всяком случае, считал именно так. Но советовал при этом внимательно смотреть по сторонам и напоминать народную мудрость про чертей в тихом омуте: если у покойного не было никаких привязанностей и пороков на виду, это не значит, что их не было вовсе.

– Ну пойдёмте, господин... Косоруков, – Набель мазнула взглядом по паре револьверов и, поставив ногу на подлокотник кресла, принялась зашнуровывать ботинок. – Раз вы так решительно настроены, начать стоит с «Мамонтовой горки».

Насмешка в голосе была очень отчётливой, но Дмитрий только поморщился на это. Прошли те времена, когда он злился на такие глупые подначки, спорил и что-то кому-то доказывал. А сейчас... не ругаться же с девушкой, пусть она только выглядит приличной и благовоспитанной. Тем более если она не врёт и действительно занимает должность градоначальника.

– Я и сам дойду, – всё же не удержался он от возражения.

– Не сомневаюсь, коль до нас добрались. Но в этом городе я отвечаю за порядок, ещё не хватало мне трактирной перестрелки. Идёмте.

Спорить Дмитрий снова не стал. Шагнул к двери, открыл её, машинально пропустил девушку вперёд. Та метнула на него странный взгляд, но вышла, бросив:

– Дверь просто прикройте, никто не войдёт.

Глава 2. Перекати-поле

Анна не любила охотников за головами. Несмотря на то, что они защищали закон и действительно были полезны послевоенной губернии, вели себя немногим лучше тех, на кого охотились. Из бывших солдат, нахальные, вооружённые до зубов; Набель не бралась предполагать, что удерживало их по эту сторону закона, но точно не благородство. И ещё невольно тревожил вопрос, как предстоит бороться уже с ними, когда всё успокоится и необходимость в них отпадёт: вряд ли все они дисциплинированно вернутся к обычной мирной жизни.

Этот... Косоруков имел настолько разбойную физиономию и выглядел настолько типичным головорезом, что Анна в первый момент насторожилась и приготовилась встретить попытки облапить, сальные шуточки и всё остальное, чем блистало обычно подобное отребье. Даже встала так, чтобы в любой момент достать револьвер и использовать по назначению, и плевать, что там в Рождественске скажут.

Голова пегая – и волосы, и щетина, на правом виске шрам в форме буквы «У», руки – чёрные в странном крое, не понять, не то грязь пятнами сошла, не то тоже шрамы. Роста высокого, сложения крепкого – не то чтобы здоровяк, но видно, что мужчина сильный. И взгляд злой, колючий, грозовой. Как есть – бандит из бывших служивых.

Только гость удивил. Не только приставать не стал, а и вовсе смотрел на неё безразлично, словно это именно от неё за сажень несёт потом и горечью и это она ведёт себя непристойно. И когда уже сама начала нарываться – бровью не повёл.

А потом он привычным, ужасно естественным и столь же ужасно не вяжущимся с остальным образом движением распахнул перед ней дверь, едва заметно склонил голову и галантно уступил дорогу.

От одного этого движения привычный образ бандита с лицензией рассыпался, как развязанный сноп на ветру, и Анне стало стыдно. И перед Косоруковым, и перед теми, кто его послал. Она-то грешным делом решила, что в Рождественске просто издеваются, поручив поиски убийцы (вот тоже новости!) первому попавшемуся разбойнику, а оказывается, напрасно так дурно подумала о них всех. Может, не сыщик, но точно – не первый попавшийся. Из офицеров, что ли? Вот тоже странность, что его бандитов стрелять понесло!

Пока спускались по лестнице, Анна поглядывала на спутника, пытаясь что-то прочесть по его лицу, но нашла только, что походка у него больно странная, забавная какая-то. Не кавалерийская точно, но тоже чудная...

– Да, Дмитрий Михайлович, не сердитесь, но я должна об этом предупредить, – заговорила Анна. – Гнат Сергеич Милохин, хозяин трактира, злится, если его подавальщиц принимают за продажных девок. Девки у старухи Чин, это вон там, на окраине города, – она махнула рукой в сторону между банком и управой. – И Господь вас упаси косо глянуть и, паче того, тронуть Лизавету, его жену. За неё он убьёт, и следующему придётся двумя покойниками заниматься.

– Далась мне эта Лизавета, – поморщился тот.

– Вы её пока просто не видели, – хмыкнула она. И попробовала немного реабилитироваться в глазах собеседника запоздалым проявлением дружелюбия, тем более подвернулся повод: пришелец проводил взглядом пересекающего площадь ежа. – Не обращайтесь на этих внимания. У них начался сезон миграции, это на неделю, а то и две.

– На кого?

– На перекати-ёжиков. Они безвредные, – пояснила Анна. – Мы к ним привычные. Они только здесь водятся, вдоль Клубнички. У нас тут полно всяких замороченных мест, оттого, наверное, и живность своеобразная. Перед самой войной учёный приезжал их исследовать аж

из Павлограда. Только он их как-то странно называл, я не помню, я тогда маленькая была, – виновато призналась она.

– Это называется аномалии, – огорошил собеседницу своими познаниями Косоруков и поймал её удивлённый взгляд, но продолжить разговор они не успели: мужчина в этот момент открыл дверь трактира.

Аномалия многое объясняла и обещала ещё массу сюрпризов, но – лично Дмитрию, а не его делу. Какая бы тут живность ни водилась – хоть перекаати-ёжики, хоть карликовые летучие мамонты, – дробью она не стреляет.

Войдя за девушкой в тёмное нутро трактира, наполненное неожиданно приятными запахами – вкусной еды и, совсем немного, прелого сена, – охотник сощурился, опять привыкая к перемене освещения. Здесь не было окон, слабый свет давали четыре керосиновых лампы в разных углах помещения, но, несмотря на это, было странно свежо – кажется, не обошлось без чар. Обстановка была простой и добротной: прямоугольные столы с лавками вдоль стен и несколько квадратных посреди зала – со стульями, стойка в дальнем конце, с одной стороны от неё – узкая лестница, а с другой, в углу – совершенно неожиданное пианино, сейчас скупавшее, но загадочно отблёскивавшее чистым тёмным лаком.

Градоначальницу заметили, посыпались приветствия и вопросы – всем было интересно, кого она привела с собой. Анна только отмахивалась, мол, кого надо, того и привела, не к вам же. Никто не обижался, только посмеивались, и от этого в Дмитриии опять шевельнулось любопытство. Определённо, к госпоже Набель тут относились не так, как следовало бы ожидать.

Пока шли через большой квадратный зал с низкими поперечными балками к противоположному концу, где за стойкой на высоком стуле сидел хозяин заведения и что-то писал под керосинкой в счётную книгу, Дмитрий вполне привык к освещению, рассмотрел обстановку и запомнил людей. По послеобеденному времени народу в трактире было немного, всех Анна вполголоса отрекомендовала своему спутнику. Несколько припозднившихся с обедом добропорядочных горожан – банковский клерк, счетовод из приисковой конторы, скучающий мясник – глуповатый, но очень добрый здоровяк Митрофаныч, очевидно распродавший весь сегодняшний товар. Особняком держалась компания из пятерых тихих и хмурых с похмелья старателей – эти гуляли вчера, обмывая удачный улов, а теперь расплачивались за веселье. Этих Анна помнила в лицо, хотя и не знала по именам – они как прибились после войны в поисках лучшей доли, так и остались.

В углу, неподалёку от них, сидел старый пьяница Хрюн – тщедушный пропащий человек, который раньше промышлял охотой, пока не спился. Он жил в старом доме на краю города, а здесь побирался – кто нальёт, а кто покормит. К нему настолько привыкли, что не обращали уже внимания и не помнили, как его зовут на самом деле. Сердобольный хозяин тоже не гнал – пьяница был тихим и безобидным, никому не мешал, не грубил и даже не вонял, так что вреда от него не было.

Лизавета тоже оказалась в зале, о чём-то негромко шушукалась с подавальщицей в дальнем углу. Анна уже понимала, что охотника оценила неправильно и вряд ли он потеряет голову от красивой женщины, но о предупреждении своём всё равно не жалела. Мало ли как отреагирует! Не обязательно распускать руки, чтобы найти неприятности, жена трактирщика не любила никакого лишнего внимания, даже если на неё просто глазели. И сам Игнат тоже этого не любил.

Анна уже приготовилась сглаживать неловкость, и совершенно напрасно: Лизавету Косоруков заметил, окинул взглядом с ног до головы и – отвернулся, к лёгкому смятению спутницы. Даже с шага не сбился.

А жена трактирщика, которая приветливо улыбнулась Анне, и правда была хороша. Смесь чжурской и славянской крови проявила себя в ней впечатляюще, подарив лучшее

от каждой половины. Статная фигура с тонкой талией и высокой грудью, белая кожа, точёное лицо с выразительными тёмными глазами и по чжурскому обычаю – четыре длинных чёрных косы, стекающих змеями из-под очелья. А ещё, помимо наружности, было в ней что-то колдовское, что заставляло мужчин терять головы на беду самой красавице.

– Ну здравствуй, хозяйюшка, – улыбнулся Игнат и встал, отодвинув записи. – И ты здравствуй, морячок, – тепло поприветствовал охотника, и даже вышел из-за стойки, чтобы сжать своей лапицей ладонь Косорукова и хлопнуть его по плечу. – Какими ветрами к нам? Неужто прямо с Рождественска?

– По делу. Спросить мне у вас кое-что надо... – начал пришелец, охотно ответив на крепкое рукопожатие. Трактирщик Милохин располагал: кряжистый, широкий, с аккуратно подстриженной седой бородой и лукаво блестящими глазами, он улыбался искренне и дружелюбно, так что тянуло улыбнуться в ответ.

– Да погоди, успеется! Ты на чём ходил?

– «Князь Светлицкий», – нехотя, но и без видимого недовольства ответил тот.

Игнат выразил своё отношение к этому только негромким присвистом, однако ничего не сказавшим Анне, с интересом наблюдавшей за разговором. Что Милохин всю войну на флоте прослужил – это она прекрасно знала, и Лизавету свою он откуда-то со стороны привёз, и была она первое время нелюдистой, шуганой, явно что-то очень нехорошее пережила. Но ничего, отогрелась, повеселела, да и сам Игнат, сын прошлого хозяина этого самого трактира, после возвращения с войны отлично развернулся на новом месте и навёл тут порядок, с чем не справлялся его старый отец. Но чем так знаменит «Князь Светлицкий» – Набель понятия не имела.

– А я боцманом на миноноске закончил, на «Александрии». Ох и славный был экипаж!

– Чародей? – всё же решил уточнить Дмитрий.

– С чего взял? – полюбопытствовал Милохин.

– Предположил.

Дмитрий не мог бы разумно объяснить, почему так уверен в одарённости трактирщика. Чужой. Сам он больше чародеем не был, но некоторые полезные таланты всё же не утратил. Чувство направления, чувство времени, восприимчивость к чарам, развитая интуиция – всё это не было частью дара, но развивалось вместе с ним, и потерять эти навыки было куда сложнее.

– Хорошее у тебя чутьё, – засмеялся трактирщик и не стал отпираться. – Так себе, конечно, но кое-чего умею. Тут вот чары сам поддерживаю, хотя наложить бы не смог, это другой хороший человек подсобил. У нас, думаешь, своих умников нет? Не дикие чай. А с тобой мы нынче таким вотом, друг, поступим. Ты давай-ка отдохни с дороги для начала, в чувство приходи, потом я тебя накормлю, а потом уж вопросы. И не спорь, по лицу вижу, без роздыху от самого Рождественска, разве это дело? Облесел весь...

– Что сделал? – растерянно уточнил тот.

– Одичал, говорю, в лесу, – хохотнул Игнат. – Привыкай, местный говор. Марфа! Поди сюда. Гостя наверх проводи, покажи там что где и горячей воды ему сделай. Лошадь где, у конювязи? Марфа, кликни ещё Архипку, пусть скотину на конюшню сведёт. Ступайте, ступайте! – махнул он рукой и, проводив взглядом не ставшего спорить гостя, обернулся к градоначальнице: – А ты, Анна, тоже хороша хозяйка! Гостя надо в баньке выпарить, напоить-накормить с дороги, а после уж о делах.

– Он не гость, он охотник за головами, приехал убийство расследовать, – возразила она и взобралась на крайний из четырёх высоких стульев, стоявших у стойки со стороны зала. Сидя на них обычно не ели, а исключительно закусывали. Незамужней девушке, конечно, не полагалось так себя вести, но здесь некому было пенять ей на недостойное поведение. – Ты знал, что казначейского проверяющего, которого как будто упыри задрали, на деле пристрелили?

Вот и я тоже удивилась. – Поучения от трактирщика слушать не хотелось, и она легко перевела разговор на другое. – Откуда ты взял, что этот Косоруков – моряк?

– По походке сразу видно. Давно на берегу, как я, только она не враз меняется, если вообще меняется. Да и по стати, по выправке... Моряк моряка видит издалека, – усмехнулся он. – Только этот из офицеров, верно. Мичман, а может, и лейтенант.

– Он чародей, что ли? – нахмурилась Анна.

Из города она дальше приисков никогда не выезжала, но о царящих в «большом мире» порядках прекрасно знала. И то, что флотских офицеров без чародейского дара не бывает – тоже знала крепко. Сухопутные ещё случаются, а вот моряков – ни одного.

– Если бы он был чародеем, притаился бы сюда с сомнительной службой? – резонно возразил трактирщик. – «Князя Светлицкого» разбомбили и затопили, там мало кто выжил, так что ты помалкивай про его чародейство. Ты девица неглупая, но уж больно прямолинейная. Как скажешь иногда...

– Ну не настолько я дикая, – недовольно нахмурилась она. – Я поняла, о чём ты. Он выгорел, это так называется, да? Понятно, что ничего приятного, не буду я его о службе расспрашивать. Да и зачем мне это вообще могло понадобиться! Больше интересно, кто мог казначейского убить?

– Да бес знает, – пожал плечами Милохин. – С приисковыми небось чего-то не поделил, больше негде. Где золото, там и... Ты глянь, лёгок на помине!

Золотые прииски принадлежали империи, но сами по себе они, конечно, работать не могли, за всем надзирал управляющий, который был если не самым, то одним из самых влиятельных людей в их краю. Прошлый, ворчливый жёлчный старик, умер в конце войны, и о нём искренне скорбели: он был неплохим, ответственным человеком, понимавшим нужды местных жителей и уважавшим аборигенов. Ему на смену из губернского Рождественска прибыл Старицкий Сергей Сергеевич.

Это был достаточно молодой, слегка за тридцать, холостой дворянин со столичными повадками и гардеробом, покоривший всех местных девиц на выданье, но до сих пор не преодолевший пропасть между собой и остальными жителями. Впрочем, он и не пытался. Кажется, вообще не замечал, что что-то не так. С ним почтительно раскланивались, многие даже откровенно лебезили, но и только. Старицкому этого будто бы хватало.

Вот и теперь сторонний наблюдатель легко отметил бы, что приветствовали его гораздо громче, чем градоначальницу, однако теплоты и искренности в этих приветствиях было куда меньше. А Лизавета, завидев управляющего, бесшумно скрылась на кухне: она столичного франта недолюбливала, несмотря на то, что рук он не распускал и к замужней женщине не приставал.

– Доброго дня, Игнат. Анна Павловна, счастлив вас видеть, – раскланялся он перед девушкой, припал к руке.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Какими судьбами в этих местах? – спросила она ровно.

– Ехал мимо, а тут словно потянуло что-то – зайди, говорит, Серж, выпей квасу холодного, не пожалеешь! Как сердцем почувствовал, что вы тут, – разудыбался Старицкий, не спеша выпускать девичью ладонь, так что Анна сама аккуратно, но твёрдо забрала руку.

– Квас так квас, сейчас сделаю, – услужливо склонил голову трактирщик и вернулся за стойку, мигом растеряв свою вальяжность.

– Как ваша тяжкая служба, любезная Анна Павловна?

– Спокойно, Сергей Сергеевич, – прохладно отозвалась она. – Вы же знаете, у нас тихий город.

– Стойкая вы девушка, не устаю удивляться! Такая юная, такая прелестная – и тянете на плечах подобную ношу... Ваши горожане очень суровые люди, раз возложили её на вас. Неужели не нашлось другого достаточно ответственного лица?

– Если возложили – значит, доверяют, – ответила Анна.

Подобным образом начинался или заканчивался едва ли не каждый их разговор, и это давно перестало злить, скорее вызывало привычную досаду. И подкрепляло уверенность, что долго в роли управляющего Старицкий не продержится.

– Ну а вы, как же вы? Такая прекрасная девушка, солнце на нашей бренной земле, а вместо того, чтобы наслаждаться жизнью...

Вскоре Анна уже отвечала на все его вопросы, намёки и порывы привычно односложно и почти не вдумываясь. Было очевидно, к чему и зачем он каждый раз начинал этот разговор, рассыпался в любезностях и целовал руки, к месту и нет ввинчивал комплименты и сетовал, что она до сих пор не замужем: сам метил на это место.

Одного она не понимала: его настойчивости. Давно пора было заметить, что девушка не отвечает интересом на интерес и не отказывается от всяческих мелких подарков и знаков внимания только потому, что они действительно мелкие, ни к чему не обязывают, и отказаться от них – значит обидеть дарителя, а ругаться с ним не хотелось. Но нет, раз за разом натёкался на ответную холодность – и раз за разом словно не видел. Может быть, для него это тоже давно превратилось в привычку?..

Разумных причин, зачем бы ему проявлять такое упорство, Анна не видела. Да, она мила, но не роковая красotka. Да, хорошего происхождения, из старого дворянского рода, но ничем примечательным Набели похвалиться не могли. Да и приданое её, а вернее – всё имущество, оставшееся от отца, не было столь уж значительным. И не выглядел Старицкий отчаянно влюблённым, вообще влюблённым не казался. А если бы он хотел затеять аферу с привлечением её как главы города, то вряд ли так старательно давал бы понять, что в роли городского головы госпожа Набель его не устраивает. Однако и занять её место он как будто не стремился, и никого определённого на него поставить не предлагал...

В общем, такого поведения Анна не понимала и по возможности просто избегала общества управляющего. Поначалу она ещё рассматривала его как возможного жениха, потому что Старицкий представлялся достойной партией, был молод, учтив, к жестокости не склонен и хорош собой – статный, подтянутый, с точёными чертами гладко выбритого лица и всегда аккуратно постриженными и тщательно уложенными льняными волосами. Но мысль эта ушла довольно быстро, когда стало понятно, что к Шнали и его обитателям приезжий относится со снисходительной насмешкой: простить пренебрежение родной землёй Анна не могла. Тем более и земля отвечала взаимностью, так что этот вариант ей не подходил совсем.

Отдать должное, Старицкий своего пренебрежения не выпячивал, на словах и в манерах всегда был учтив, но постоянно проскальзывало в речах что-то этакое – не оскорбительное, но показательное. Хотя бы даже вот это «ваши горожане». Себя он жителем Шнали не считал, с сезонным прекращением добычи предпочитал отбывать в Рождественск, а не зимовать тут. Так стоило ли удивляться, что и жители отвечали ему взаимностью?

Анна не засекала, сколько управляющий тянул свой квас, а часов в трактире не было. Понимала, что вряд ли очень долго, но всё равно эти минуты казались бесконечными. И не отвяжешься! Попытаться уйти – так вызовется провожать, сослаться на необходимость проехаться по предместьям – тем более может последовать за ней: судя по начищенным сапогам и хлысту с медным оголовьем, который Старицкий теребил в левой руке, лошадь дожидалась у коновязи. А мягких намёков на то, что у неё есть другие дела, мужчина не слышал.

В таких обстоятельствах появление охотника Анна встретила с громадным облегчением, хотя в первый момент с трудом узнала его, опознала только по револьверам. И повторно укорила себя за поспешность в суждениях.

Забавно, что, по сути, в нём изменилось немногое. Косоруков не предстал вдруг блестящим кавалером в мундире с аксельбантами или франтом в цилиндре – почти такие же, как были, штаны, только менее потёртые, простая свежая рубашка из белёного льна, сапоги всё те же, давно ношенные, но явно почищенные. Да и породистым лицом не обзавёлся, и аккуратной стрижкой – тоже. Но гладко выбритый, с тщательно промытыми и причёсанными волосами, влажными после мытья, он уже совсем не напоминал разбойника.

Анна подумала, что скорость, с которой охотник умудрился привести себя в порядок, достойна не только восхищения, но отчаянной зависти. И наверняка холодной воды не убоился, вряд ли Марфа успела бы подогреть...

– Ну вот, другой разговор, – улыбнулся ему трактирщик. – Садись, сейчас я тебя накормлю, потом за уши не оттянешь! – он крикнул жене, чтобы несла тарелки, а Старицкий тем временем окинул подошедшего офицера задумчивым взглядом.

– Доброго дня. Мы знакомы? – спросил с непонятым выражением в глазах.

– Не думаю. Косоруков, Дмитрий Михайлович, я...

– Сослуживец мой, на миноноске родной вместе ходили, – вдруг вмешался в разговор Игнат. – В гости вот приехал.

– Сергей Сергеевич Старицкий, управляющий здешними приисками, – назвал тот и протянул руку для пожатия, вежливо сняв перчатку, но едва заметно поджав губы.

Охотник за головами бросил на трактирщика короткий задумчивый взгляд, но оспаривать его версию не стал, пожал протянутую ладонь, а там из кухни выскочил худющий вихрастый парнишка – сын поварихи, во всём ей помогавший, – и очень аккуратно поставил на стойку перед гостем внушительную глиняную миску наваристой ароматной ухи. Развернулся, сделал шаг, опомнился, вернулся и, смущаясь, достал из кармана пару внушительных ломтей серого хлеба, виновато отёр их о рубаху. Дмитрий, глядя на это, рассмеялся и выразительно протянул руку, чем заслужил благодарную улыбку поварёнка.

Старицкий от этого поведения мальчишки опять недовольно поморщился, хотя и промолчал. Он ещё с минуту посидел между рассеянной Анной и проворно орудующим ложкой чужаком, попытался продолжить разговор, но и сам уже потерял нужный настрой, так что попрощался со всеми скопом, сослался на срочные дела и откланялся. Анна едва удержалась от едкого вопроса, а где же были эти дела минувшие полчаса, когда он донимал её пространными беседами. Полбеда, если бы обиделся; он же ещё мог неправильно понять и остаться!

Когда Старицкий вышел, трактирщик, исподлобья провожавший его взглядом, подался ближе к стойке, облокотился на неё и заговорил вполголоса:

– Ты извини, Мить, что я эдак тебя, не спросясь, в звании понизил. Только Аня сказала, казначейского пристрелили, а это всяко с прииском связано, больше не с чем.

– И у тебя есть основания для таких подозрений? – прожевав, невозмутимо спросил охотник, не обратив внимания на фамильярность.

Ел он быстро, но аккуратно, опять подтверждая собственное не самое простецкое происхождение. Да ещё так аппетитно, что Анна и сама поняла, что проголодалась.

– Игнат, а покорми меня тоже, – попросила она с лёгким смущением. Тот заговорщицки подмигнул, но кликнул жену и только после этого начал отвечать на вопрос Косорукова.

– Основания не основания, а опыт житейский. Он, вишь, человеком таким был...

Дмитрий ел отличную густую уху, изо всех сил стараясь не заглатывать её совсем уж жадно и не поперхнуться, но слушал трактирщика очень внимательно, тем более слова его подтверждали прежнюю картину, дополняя и расширяя её. В выражениях моряк не стеснялся и следил за языком разве только в том, чтобы не допускать совсем уж грубостей при девушке.

Шалюкову Антону Петровичу на момент смерти было сорок шесть лет. Почти местный, родился в Хинге в семье мелкого чиновника. Жили скромно, именно тогда он приучился тщательно считать деньги – об этом сыщикам рассказала соседка, потому что родители его давно

умерли. Ребёнком был тихим и ответственным, учился хорошо и старательно, пошёл по отцовским стопам и проявил себя лучше того.

«Тихий и старательный» – это вообще была главная характеристика убитого. Замкнутый, семьи не имел, по женщинам не ходил, даже к старухе Чин не заглядывал, ни с кем не ссорился, вообще старался держаться в тени. Как работник был на хорошем счету, и никаких известных прегрешений за ним не водилось. В Шналь навевался нередко, держался здесь точно так же – незаметно и тихо. Останавливался всегда в «Мамонтовой горке», хозяин сдавал несколько комнат. Хороших, светлых, с работающим водопроводом. Да и вариантов других не было, в Шнали не имелось гостиниц, сюда редко кто-то приезжал, а старатели жили в бараках при прииске. Гостей не водил, поддерживал чистоту и порядок, аккуратен был во всём, и как постояльцу ему цены не было.

Вещи его забрали полицейские, которые приезжали за трупом, но собирала их горничная, поэтому Милохин прекрасно знал список. Смена одежды, немного денег, бритвенный прибор и всякая мелочёвка в таком духе, которая обязательна для любого путешественника. Никаких компрометирующих и вообще интересных предметов и, главное, никаких документов. Последнее, судя по всему, он имел при себе, но их забрал убийца – на теле и в окрестностях их не обнаружили, да и в приисковой конторе ничего не нашли. Местные изначально полагали, что лошадь с вещами куда-то удрала и там убилась, но, с учётом дробы, версия эта становилась крайне сомнительной.

Здесь заканчивались факты и начинались уже личные домыслы и впечатления трактирщика, которые Косоруков слушал едва ли не внимательнее. Полагаться только на них, конечно, не собирався, но глупо не принимать во внимание мнение весьма наблюдательного человека.

Личное же впечатление у Игната было неприятным. Не нравился ему этот тип, казался скрытным, сомнительным, и он всё ждал от казначейского какой-то пакости, потому что был свято уверен в справедливости поговорки про чертей в тихом омуте. И если верить ему, то экономность Шалюкова доходила зачастую до откровенной скупости, которую Игнат охарактеризовал как «за грош удавится». И именно из-за этого качества он считал, что убитый мог влезть в неприятности только из-за денег.

А ещё, и это уже вовсе не имело под собой никаких оснований, но трактирщик готов был поручиться: Шалюков подворовывал, как и все, связанные с приисками. «Да, – спокойно подтвердил он, – и Старицкий тоже ворует, иначе не сидел бы с его запросами в нашем диком краю. Потому при нём и не стал говорить». И у Игната имелась вполне связанная версия: сначала Шалюков знал меру, потом сорвался и хапнул больше, чем следовало, за что и поплатился.

Дмитрий отметил для себя, что управляющий прииском трактирщику тоже не нравился, причём гораздо сильнее. Но сложилось впечатление, что больше всего Игнат сердился на Старицкого за попытки приударить за Анной Набель. Но на ревность это не походило, скорее на отеческую опеку.

– А кто нашёл тело? – спросил Дмитрий, потому что в абы как составленном отчёте имени не стояло.

– Пастухи, – подала голос Анна. – Мамонтов через забoku гнали, и там его заметили.

– Забоку?..

– Луга сенокосные. Вдоль них дорога на прииск идёт, а дальше выпасы. Вот он в падушке у дороги лежал, там ручей мелкий, частью в нём даже.

– Падушка? – уточнил Дмитрий и улыбнулся. – Почему в Рождественске никто так не разговаривает?

– А там больно много офицеров из столицы, с правильным выговором, – вставил Игнат насмешливо. – Овражек это. Падь у нас – ущелье, а падушка, значит, овраг. А то и канава. Но там скорее овраг.

– Да. Овраг, неглубокий, но обрывистый, – поддержала Анна. – Решили, что его упыри задрали – там и кровищи было, и разодрано всё в клочья, руку оторвали, лицо тоже обглодали и полчерепа скovyрнули. Они у нас тут любят мозгами полакомиться, правда, человеческими редко выпадает...

– Погодите! – встряхнулся Косоруков, слегка ослотивший от таких рассуждений из уст молодой девушки. – Вы что, всерьёз уверены, что его обглодали упыри?

– Я же говорила, их тут с войны полно. А что ж ваш судебный врач понаписал?

– Что причина смерти – выстрел с близкого расстояния дробью, а все прочие повреждения нанесены посмертно. Наверное, он не пытался выяснить, кто именно его объел... Я решил, про упырей была шутка, – растерянно пробормотал он. – Но никаких жалоб вроде не было, на нечисть и нежить быстро реагируют, особенно если её много!

– А чего на них жаловаться? Не мешают же, – пожала плечами Анна, и в её глазах было такое искреннее непонимание, что Дмитрий не нашёлся с возражениями. – Они в город не лезут, земля освящённая, куда им. Боятся. А за городом ночью никто не ходит, ну разве что пастухи, бывает, на дальние пастбища уходят. Но против мамонта и так ни один упырь не пойдёт, а у нас им ещё и бивни не подрезают, как в городе. Упыри тоже хоть и дохлые, но соображают.

– Но ведь это упыри! – предпринял ещё одну попытку Дмитрий.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Игнат. – Что они, не люди, что ли?

Этот оксюморон окончательно завёл разговор в тупик, поэтому Косоруков предпочёл вернуться к выяснению деталей происшествия, не связанных с нежитью, и потрясающей гречке с потрохами, которую ему принесли на второе. Кому эти потроха принадлежали раньше, он благоразумно решил не спрашивать, а то с подобным отношением к упырям можно было ждать разного.

Деталей оказалось немного, но зато почти что из первых рук. Потому что мальчишка-пастушок помчался сразу к госпоже Набель, та отправила вестового в Хингу за полицией, потому что своих городских в Шнали за ненадобностью не было, взяла лошадь и поехала смотреть что и как, прихватив по дороге первого попавшегося горожанина с телегой – не оставлять же труп гнить в овраге пару дней до прибытия полиции.

И так легко она об этом рассказывала, что Дмитрий, как ни старался сдерживаться, всё равно то и дело недоверчиво поглядывал на собеседницу. Симпатичная молодая девушка, явно с воспитанием и образованием – наверное, лучшим из того, что можно было получить в этом диком углу. Но когда она преспокойно начинала рассуждать о повреждениях объеденного трупа, не теряя от этого здорового аппетита, хотелось потрясти головой и прочистить уши. С таким выражением лица стоило бы о видах на урожай рассуждать, а не о том, что упыри выжрали бедолаге потроха. Косоруков многое повидал в жизни, но и ему от описания делалось неуютно!

Но зато теперь крупнокалиберный Торк в кобуре на девичьем бедре не выглядел чужеродным.

Однако назвать это болезненным смакованием подробностей тоже было бы неправильно. С хладнокровием судебного врача Анна рассказала о том, на что обратила внимание, похвалила полицейских, что сумели найти там повреждения от дробы. Опять подтвердила, что лошадь и вещи пропали бесследно.

Пропажи проверяющего никто не хватился по простой причине: на прииске знали, что он уехал засветло, и были уверены, что добрался до города, а в городе решили – заночевал там, в конторе, это порой случалось. Упырей Шалюков боялся и в ночи ни за какие коврижки никуда бы не поехал. Так, например, в предпоследний вечер его жизни вернулся уже в сумерках, чем был страшно напуган: лошадь захромала, так что он натерпелся страху. На следующий день с выездом опять замешкался, потому что утром пришлось показывать лошадь коновалу

и менять подкову. Да и вообще в то утро был непривычно взволнованным и даже как будто слегка испуганным. Заутреню в церкви отстоял полностью, хотя раньше службы посещал редко и точно не по утрам, за завтраком накормил местного забулдыгу Хрюна – милость сделал, как будто о душе задумался. То есть напугался всерьёз.

А вот один ли поехал, не говорил ли чего приисковым о назначенных встречах, – это предстояло выяснить.

Но на прииск, послушавшись совета местных, Дмитрий решил ехать завтра по холодку. Тут было сравнительно недалеко, но если отправляться сейчас – ночевать пришлось бы там, да и не поговорить ночью со старателями. А сегодня можно было сделать кое-что полезное в городе.

Например, поговорить с управляющим здешнего банка и заглянуть в приисковую контору. Причём Дмитрию очень понравилась идея трактирщика не распространяться пока среди приисковых о цели прибытия, для начала осмотреться. На работу, например, наняться, раз уж он – неприкаянный сослуживец Милохина. На старателя не потянет, а вот в охрану можно и попробовать. Должна же там быть охрана, не могут же решительно все наплеватьски относиться к безопасности! Ладно упыри, но, когда речь идёт о золоте, не стоит забывать про обычных бандитов.

– И много тут золота добывают? И самое главное, как на прииске контролируют, чтобы старатели себе ничего не прикарманили?

– Да много ли там прикарманишь, – хмыкнул Игнат. – Ты что думаешь, они там золото кусками величиной в кулак собирают? Шлих моют, песок такой чёрный, потом на месте на заводике его очищают, это по-умному аффинажем называют. И вот там уже золото. А если кому из старателей самородочек попадётся – так это чистое везение, редко такое бывает, а чтобы самородок приличного размера – так вообще пару раз на моей памяти. Но как к нам железную дорогу построят, так там вообще другая жизнь пойдёт, – поморщился он, явно не радуясь перспективе этой новой жизни.

– А что, собираются?

– Лет тридцать уже строят, ещё не начали, – со смешком пояснила Анна. – Отец рассказывал, он ещё мальчишкой был, когда тут по горам инженеры с измерениями своими ходили, потом с ним проект согласовывали, когда он уже градоначальником стал, но дальше проекта дело не ушло. И вряд ли скоро уйдёт, тут Гнат Сергеич уже ворчит.

– Но ведь так много не добудешь, разве нет?

– Конечно, не добудешь. Много ли угля на фурах натаскаешь! И прочих гадостей, которые они там на своём заводе используют. Да и зимой тут добыча останавливается, как наша речка замерзает, руками не больно-то из-под снега наколупаешь песка. Так что наш прииск сейчас так существует, между прочим, – махнул рукой трактирщик. – Ну да для города вполне хватает.

– А как прииск пережил войну? Неужели завод не растащили? – полюбопытствовал Дмитрий.

– В войну... – Игнат ухмыльнулся, бросил задумчивый взгляд на Анну и отмахнулся: – Да нормально пережил, повезло.

– Ладно, что это я, в самом деле, засиделся, – пробормотал себе под нос Косоруков. – Где приисковая контора находится, не подскажешь? Хочу зайти, вдруг охранником наймусь, – поделился он планом.

– Вряд ли возьмут, – легко уловил его идею трактирщик. – Но попробуй, мысль дельная, конечно. А контора...

– Я провожу, – вызвалась Анна.

– Тогда, может, и возьмут, – хохотнул трактирщик и уткнулся обратно в свои записи.

Дмитрий только молча кивнул девушке и не стал допытываться, что означали эти намёки и взгляды. Как и история прииска, тонкости местных взаимоотношений его не касались. Он отлично умел не задавать лишних вопросов и за время охотничьих разъездов неоднократно убеждался в полезности этого умения.

Глава 3. Маленький большой человек

День потихоньку клонился к вечеру, тени вытянулись и загустели, но над центральной площадью стояло всё то же неподвижное жаркое марево. Тишины не было: где-то неподалёку горланил петух, цокала копытами мохноногая крепкая лошадка, тянущая телегу по краю площади, негромко обсуждали что-то две женщины, идущие с прикрытыми салфетками корзинами, в стороне галдела стайка босоногих детей. Городок жил своей жизнью.

Дмитрий остановился на веранде, сощурился на солнце, но шляпу надевать пока не стал, так и вертел её в руках, разглядывая вид на центр города и пытаясь понять, что его в этой пасторали смущает.

Анна встала рядом, не торопя его и глядя не на площадь, а на стоящего рядом мужчину. Всё же насколько сильно он преобразился, просто вымывшись, побрившись и переодевшись в чистое!

Она никогда раньше не задумывалась, какие именно мужчины ей нравятся в смысле внешности. Ну вот Игнат, например, был не по вкусу, слишком огромный, а Старицкий казался симпатичным. Однако сейчас, разглядывая приезжего офицера, она с лёгким смущением сознавала, что из всех знакомых мужчин он, пожалуй, кажется самым привлекательным. Во всём. Сама себе дивилась, как мало ей понадобилось, чтобы переменить мнение – просто взглянуть на него отмытого, побритого и в свежей одежде. И тем не менее...

Высокий, но не чрезмерно, так что она носом утыкалась бы ему в ключицы. Широкоплечий, ладный – меньше Игната, но массивнее управляющего и оттого лучше обоих. Тёмные нахмуренные брови, нос с горбинкой, волевой подбородок, шрам на виске, который сейчас казался не бандитским, а интригующим... Не красавец, но его профиль привлекал внимание, на него приятно было смотреть. Не лощёный, как Старицкий, которого очень просто было представить прихорашивающимся перед зеркалом, и это Анну всегда смешило, а настоящий, живой. Очень уместный здесь и сейчас.

А ещё, как с растущим смущением признала Анна, он неуловимо напоминал матёрого медведя. Сытого, осеннего. Наверное, виной всему были просохшие волосы: густые, бурые с бронзовым отливом и седыми подпалинами – чисто медвежья шуба. Поймав себя на внезапном желании запустить в «мех» пальцы, она ещё больше смутилась и заговорила, чтобы отвлечься от этих глупостей:

– Дмитрий, я бы хотела перед вами извиниться.

– За что? – очнулся он от созерцания, повернулся к ней и в искреннем удивлении приподнял брови.

– За то, что подумала о вас дурно, только увидев и не имея к тому никаких предпосылок. Обычно охотники за головами не многим лучше тех бандитов, которых ловят, а вы выглядели настоящим разбойником...

– Было бы за что извиняться – за правду, – улыбнулся он. – Стоило бы привести себя в порядок с дороги, а я решил сначала с делом управиться. Но кто же знал, что градоначальник здесь – девушка. Анна, я бы хотел для начала зайти в банк, поговорить о Шалюкове с кем-то там. Составите компанию?

– Идёмте, конечно, – легко согласилась она. – Аполлинарий Адольфович Хрустов, управляющий, должен быть на месте, думаю, он ответит на ваши вопросы. А что вы хотите спросить? Как он вообще может помочь с поисками убийцы?

– Надеюсь, он расскажет о делах покойного. Распоряжение из Рождественска о содействии у меня есть, его должно хватить. Вряд ли Шалюков результаты своих махинаций, если такие были, проводил через банк, но поговорить всё же стоит. Идёмте.

Они спустились на несколько ступеней и двинулись к соседнему зданию. В этот момент детвора побежала им наперерез с криками «Отдай, сейчас моя очередь! – Нет, моя!», на бегу пытаясь что-то поделить. Анна с улыбкой кивнула в ответ на разрозненные «здрасьте!» от малышни. Дмитрий тоже усмехнулся, мазнул по ним взглядом, потом вдруг остановился как вкопанный, вернулся к ним взглядом и уставился потрясённо и недоверчиво. Тряхнул головой.

– Анна, мне не кажется? Они правда отбирают друг у друга череп?..

– Дети постоянно что-то друг у друга отбирают, не мешайте им играть. – Набель тоже пришлось остановиться.

– Играть? С человеческим черепом?! – Косоруков всем корпусом обернулся к спутнице.

Та, озадаченно глядя на него снизу вверх, неопределённо повела плечами. Изумления и тем более возмущения мужчины она не понимала совершенно искренне.

– Ну а почему нет? Череп и череп. Не укусит же он их. Или вы его узнали? – попыталась она пошутить и даже улыбнулась, но шутка не встретила понимания, наоборот, выражение лица охотника стало ещё более сложным и ошарашенным.

– И во что же они играют? В расхитителей могил?! – уточнил Дмитрий, понимая, что все попытки объяснить безумие ситуации обречены на провал.

– Понятия не имею, но вряд ли, на кладбище у нас порядок, за ним отец Алексей приглядывает, а его все уважают, и дети тоже.

– И где они тогда нашли человеческий череп? Нам стоит поискать ещё один обезглавленный труп?..

– Да их тут полно, – отмахнулась Анна. – Пойдёмте? А то вы так в контору не успеете.

– Полно?.. – тупо переспросил Косоруков, но с места тронулся. Хотя мелькнула мысль, что тронулся он скорее умом. – Где – тут?

– В окрестных горах и лесах, – пояснила девушка. – С войны. Не все трупы встают упырями и прочей нежитью, некоторые тихо-мирно гниют, а желающих собирать этих желтокожих не было и сейчас тоже нет.

– И насколько их много? – пытаюсь взять себя в руки, спросил Косоруков. Голос прозвучал деревянным, но собственную выдержку он всё же мысленно похвалил.

Нечего, нечего их поучать! Живут как-то – и пусть живут, а он тут проездом и ненадолго, уедет и забудет как страшный сон.

– Ну не под каждым деревом, конечно, но попадаются. Да что я вам рассказываю, проще самому будет посмотреть!

– У меня такое ощущение, что я попал в какой-то другой, сказочный мир. Со злыми ведьмами и чудовищами, – задумчиво проговорил Дмитрий, открывая перед девушкой дверь банка. Мельком глянул на рыжего облезлого кобеля, вольготно развалившегося в тени у стеночки; дворнягу отсюда явно не гоняли. – Упырей полно, дети с черепом играют, и никто не видит в этом ничего необычного. И почему-то мне кажется, что это ещё только начало.

– Может быть, вам не кажется? – серьёзно спросила Анна, посмотрев на него искоса, со значением.

Но продолжение разговора пришлось отложить на потом.

В небольшом приёмном зале банка было светло, чисто и горьковато пахло влажным после недавней уборки лаком, которым были покрыты дощечки пола. Лак от времени потемнел и придавал неожиданно благородный вид всему помещению. Мебель тоже была тёмной и основательной, при покупке на ней не сэкономили. Три небольших письменных стола в ряд, на одном из которых царствовала внушительная пишущая машинка, хозяин другого, заваленного бумагами, отсутствовал, а за третьим уставший клерк что-то старательно и, видимо, давно втолковывал опрятно одетой старушке в цветастой шали. Простые стулья для посетителей вдоль другой стены, небольшой журнальный столик в середине их ряда, на котором лежало

несколько газет и журналов, по виду – едва ли не прошлогодних. Напротив входа имелось зарешеченное окно с табличкой «Касса», закрытое сейчас ставней, и две одинаковых двери по бокам от неё.

С Анной присутствующие дружелюбно поздоровались, и никто не обратил внимания на то, как спокойно она прошла к левой двери. Ни о чём не спросили, не предупредили, не предостерегли – полное доверие, как будто то же самое градоначальница проделывала каждый день.

За дверью оказался коридор без окон, тускло освещённый одиноким зачарованным светцем в креплении под потолком, справа – решётка без видимых замков, кажется зачарованная. Но в её сторону Набель даже не глянула, прошла прямо, к менее солидной двери, за которой справа начиналась крутая и узкая лестница на второй этаж, а слева имелась небольшая ниша для инвентаря уборщицы, занавешенная серым полотнищем; в темноте сквозь щель поблёскивало ведро и слегка торчала ручка швабры. На втором этаже имелась всего одна дверь, и вела она в кабинет управляющего.

Никакой охраны Дмитрий, к своему удивлению, не увидел. Не считать же таковой кобеля у входа, право слово.

Хрустов Аполлинарий Адольфович оказался человеком неопределённого возраста, неприметной, но располагающей наружности: среднего роста, добротнo и опрятно одетый, но без франтовства, с аккуратно подстриженной бородкой и тщательно уложенными короткими седыми волосами. И в обхождении он оказался весьма приятен: без заискивания или снисходительности, спокойное дружелюбие выпавшегося и вполне довольного жизнью воспитанного человека. Этакое зримое воплощение образа идеального чиновника.

Он принял незваных гостей, – а вернее, госпожу Набель с сопровождающим лицом, – радушно. Предложил чай, завёл разговор о каких-то городских вопросах вроде расширения водопровода и прогнозов погоды. Анна поддержала разговор, и несколько минут Дмитрий, не вмешиваясь, слушал о местных проблемах. Ни слова про упырей и какую-то иную нежить не прозвучало, разговор вообще был самым обыкновенным и вполне невинным.

Никакой пользы для охотника в нём не было, но зато он сумел убедиться, что обязанности градоначальника А. П. Набель выполняет исправно. Как минимум знает нужды родного города, помнит про какие-то сметы, со знанием дела поминает чиновников из Хинги... Судить о её профессионализме Косоруков не взялся бы, но наконец принял, что эта девушка не просто занимает кабинет и штопает там чулки.

К погибшему казначейскому проверяющему разговор таким образом выкрутил не сразу, но плавно и удивительно естественно. Здесь, конечно, скрывать истинную цель приезда Косорукова никто не пытался.

Аполлинарий Адольфович внимательно изучил документы охотника и те бумаги, что выдали ему в Рождественске в закрепление полномочий, проверил все печати специальной зачарованной линзой для бумаг и только после этого неохотно согласился честно отвечать на вопросы. Но предупредил, что рассказывает он всё это частному лицу исключительно из уважения к Анне Павловне и её просьбе, ничего писать и подписывать не станет и уж тем более не подтвердит сказанного в суде.

Покойный проверял не только прииск, но и отделение банка, и некоторые другие учреждения, даже городскую казну. Образцовый порядок был только в последней, так что Анна искренне удивилась тому обстоятельству, что Шалюков брал взятки. Банкир же честно признался, что некоторые неточности и спорные моменты в его деятельности вроде отсутствия обязательной охраны всплывали нередко, и куда проще было договориться с проверяющим, чем с ними бороться. Тем более тот не зарывался, меру знал, был очень щепетилен в этом вопросе, и, со слов Хрустова, работать с ним было приятно. Аполлинарий Адольфович даже готов был ручаться, что примерно того же мнения придерживались все, с кем покойный рабо-

тал. Банкир посетовал, что неизвестно, кого пришлют на смену и как с ним договариваться, и у Дмитрия сложилось впечатление, что беспокойство это было искренним.

– А почему нельзя устроить здесь нормальную охрану? Здесь что, настолько тихо и безопасно, что вы не боитесь грабителей?

– Зачем охрана? Есть же Тузик.

– Тузик – это тот кабысдох у двери? – озадачился охотник, не веря, что они всерьёз могут на это рассчитывать. Сторожевые качества рыжего Тузика доверия не внушали.

Банкир странно переглянулся с градоначальницей, пряча улыбку в уголках губ, и заверил:

– О, не волнуйтесь, он прекрасно справляется со своими обязанностями. Ведь главное не факт наличия охраны, а её результат, разве нет? А нас ни разу ещё не ограбили с момента основания, можете спросить у нашего начальства в Хинге, вам подтвердят. Хотя попытки были.

– И как здесь помогает облезлая дворняга? – вздохнул Дмитрий.

– Знаете, как говорят? Не будите спящую собаку. Вот и мы, думаю, не станем беспокоить его ради развлечения и утоления вашего любопытства. Да и помимо Тузика есть кое-что, что я, с вашего позволения, не стану афишировать. Безопасность всё же. Возвращаясь к Шалюкову... Знаете, мне сложно поверить, что он вдруг изменил своим принципам и порядкам и потребовал у кого-то сразу много. Или, например, пошёл на шантаж кого-то, кого шантажировать не стоило. По моим наблюдениям, ему вполне хватало на жизнь, и накопления на безбедную старость имелись, и ещё через десяток лет подобной исправной службы он вполне мог позволить себе уйти на покой. И, может быть, не шиковать, но жить в своё удовольствие где-то в более приветливых краях, о чём и мечтал. Детей у него не было, женщины тоже, и не сказать, что он об этом жалел. Наоборот, я как-то сетовал ему, что приданое для трёх дочек брачного возраста – изрядные расходы, так он вполне искренне сочувствовал и рассудил... Дословно я, увы, не помню, но и женщин, и детей он считал лишними тратами. А при столь скромных запросах, зачем бы ему понадобилось много денег?

– В таком случае выходит, что мотива для убийства не было ни у кого, однако кто-то же разрядил в него ружьё и забрал документы! Не женщины, не шантаж, не деньги... Вряд ли у него при себе была значительная сумма наличными, верно?

– Смотря какую сумму считать значительной, – осторожно возразил Хрустов. – Для кого-то и рубль – большие деньги. А он ведь собирался уже уезжать, дела закончил, так что сколько-то наличности имел. Хорошая лошадь и эти деньги могли стать весомым мотивом, особенно для какого-то отчаявшегося оборванца.

– Пожалуй... – пробормотал Дмитрий, принимая и эту версию, а после проговорил рассеянно: – Интересно, куда он девал все эти законные и незаконные накопления? Дома у него ничего такого не нашли, банковского счёта тоже.

– Существует практика номерных счетов, при пользовании которыми не нужны имя и фамилия, только комбинация цифр – номер счёта плюс некий пароль. Вполне возможно, что именно таким он и пользовался. И если он нигде этот номер не записал, а унёс с собой в могилу, то его вряд ли удастся отыскать. А он мог и не записывать, у него была прекрасная память на числа. Или записать, но где-то в таком месте, какое надо знать, иначе не догадаешься, что это именно оно.

– Но если кто-то узнал эти цифры, он ведь мог воспользоваться своим знанием? И убить Шалюкова за это мог, и при попытках вызнать пароль – тоже.

– Мог, конечно, но я сомневаюсь, что дело в этом. Если бедолага записал и номер счёта, и пароль, и эта информация к кому-то попала, не было нужды его убивать, достаточно просто пойти в банк и забрать деньги. И он бы долго ещё не обнаружил потери, а обнаружив, ни в коем случае не пошёл бы в полицию. Что бы он им сказал? Что у него украли полученные с взяток деньги, которые он ото всех прятал? Нет, за это его убивать не стоило. А вот если цифры и пароль пришлось выбивать – это другое дело, тут могли и прикончить.

– Тогда расследование можно сворачивать, – хмыкнул Дмитрий. – За то время, что прошло с момента убийства, убийца уже мог добраться до Рождественска, забрать деньги и счастливо отбыть в неизвестном направлении.

– Ну это уж вам виднее, – развёл руками Аполлинарий Адольфович. – Но с другой стороны, ведь и узнать про этот счёт как-то было нужно, а покойные не был болтлив. Поверьте мне, о договорной стороне работы Шалюкова знали очень немногие. Вот даже Анна Павловна не в курсе, а это о многом говорит. Только те, кто давно имел с ним дело и регулярно давал эти самые взятки.

Дмитрий только задумчиво кивнул. Версия с деньгами на секретном счёте и ему самому казалась слабой. Следов побоев и других прижизненных повреждений на трупе не нашли, так что на пытки всё это не походило – его просто пристрелили. Конечно, повреждённые места могли объесть упыри и уничтожить следы, но...

И кому верить? Милохин считал убитого жадным до денег и способным вляпаться в авантюру, Хрустов – осторожным и предусмотрительным, знающим меру. Оба как будто проницательные люди, знавшие с покойным, оба как будто достойны доверия.

Пока самым правдоподобным казался вариант с каким-нибудь жадным старателем, заметившим у проверяющего приличную сумму наличных. В этом Хрустов был прав, есть люди, которые за рубль удавят, а у Шалюкова суммы были куда более существенные. Но всерьёз в эту версию Дмитрий не верил, потому что имелась ещё одна важная деталь, о которой он не спешил распространяться.

Вскоре после этого они, допив чай, распрощались с банкиром.

– Куда теперь? – любопытствовала Анна, когда они вышли из банка обратно на пыльную и пропечённую солнцем площадь.

– В приисковую контору, наверное. Хотя, если подумать, идея для вида наняться на прииск охранником уже не кажется мне такой привлекательной. Боюсь, мне там никто не поверит. Для того, чтобы поверили, следовало с самого начала к этому готовиться и вести себя иначе. Уж как минимум не таскать вас всюду с собой, а то с чего бы градоначальнице сопровождать какого-то бродягу?

– Без меня с вами тем более не станут там разговаривать, – возразила она и зашагала в нужном направлении, всё равно охотник дороги не знал. – Вся охрана приисков – из местных. Несмотря на столичного управляющего и нескольких пришлых инженеров, горожане считают прииск своим и не станут откровенничать с чужаком. Это среди старателей всякие-разные охотники за удачей встречаются, но их местные не жалуют, и это взаимно.

– Кстати, я до сих пор не спросил... А вы как общались с покойным? Мне кажется, что все, кто не вырос в этом городе и не знает местных обычаев, воспринимают вас на этой должности... с насторожённостью.

– С негодованием и недоверием, вы хотели сказать? – усмехнулась она. – Держу пари, вы тоже считаете, что градоначальницей я стала случайно.

– Это не моё дело, я здесь не живу и к этому городу не имею никакого отношения, – не позволил он втянуть себя в пустой спор. – Так что с Шалюковым?

– С ним всё было спокойно, – задумчиво отозвалась Анна, оценив и честность, и тактичность собеседника. – Его не волновали мой пол и возраст, только цифры, а с ними у меня полный порядок. Мне достаточно того жалования, которое положено государем, так что все городские деньги идут на городские нужды и нет необходимости что-то подгонять. Да и порядок я тоже люблю, поэтому общий язык мы, как ни странно, находили легко. Можете не верить, но про его взяточничество я не знала. Ну и кроме того... Он застал моего отца. Прекрасно знал, как к Павлу Андреевичу Набелю относились горожане, и тоже умел не лезть в чужие дела. И он не подтасовывал факты и не пытался найти нарушение там, где его не было. Я полностью согласна с Аполлинарием Адольфовичем: Шалюков был далеко не самым плохим работником,

мне жаль, что с ним так вышло, и будь моя воля – я бы оставила всё как есть, – она неодобрительно поморщилась и вздохнула. – Хрустов дело сказал. К нему все привыкли, он не досаждал, и менять знакомое малое зло на невесть какое незнакомое – дураков здесь нет.

– Все привычные, а новый начальник прииска? Он же появился здесь недавно, мог не сойтись с проверяющим в цене.

– Мне не нравится Старицкий. Но он не похож на человека, способного убить ради денег. – Анна задумчиво пожала плечами. – Кроме того, убийство проверяющего не решит проблему, и он не настолько глуп, чтобы этого не понимать. Это просто исполнитель, на место которого придёт новый. Проще уж договориться с тем, который есть...

– Потому что договариваться с ним было легко и удобно, – подхватил Дмитрий. – Я понял, что он всех устраивал. И всё более правдоподобной кажется идея со случайным бандитом с приисков.

– Вам она не нравится? – проницательно предположила Анна.

– Не нравится. Я думал об этом, но... Но всё равно кое-что не клеится.

– Чутьё, – задумчиво предположила Анна. – Знаете, я совсем не сыщик, но почему-то мне тоже кажется, что всё не так просто. Хотя совпадения порой бывают очень неожиданны, а случайности – нелепы... Но я предлагаю выход. Не задумываться пока об этом. Скажите, если даже его убил случайный бандит, это как-то скажется на ваших дальнейших действиях?

– Нет, – невольно улыбнулся Дмитрий. – Наверное, вы правы: не стоит городить версии, не обладая фактами. В любом случае нужно посетить прииск и осмотреть место трагедии, оно же по дороге?

– Да, ближе к городу. Завтра утром и посмотрим, хотя я не понимаю, что вы хотите найти там через столько времени.

Дмитрий только пожал плечами.

Деталь, ломавшую эту правдоподобную версию получше любого чутья, отметил ещё следователь в Рождественске. Шалюкова застрелили с близкого расстояния, почти в упор, в грудь. Значит, вероятнее всего, убивали не в седле, а стоящего на земле, притом некто, кого казначейский проверяющий не боялся или даже хорошо знал. И сегодняшние расспросы только подтвердили это предположение: покойный совсем не казался смельчаком и рискованным парнем, не стал бы он вот так сходить с кем-то подозрительным.

Так что если грабитель и был, то не вовсе уж случайным разбойником с прииска. Кто-то, кто не выглядел опасным и угрожающим, кто-то из хорошо знакомых... А кто может казаться менее безобидным, чем молодая честная девушка, пусть даже у неё в кобуре револьвер?

Впрочем, всерьёз госпожу Набель Дмитрий не подозревал. Похоже, ту здесь искренне любили, и, если бы у неё начались проблемы, наверняка решала бы она их не одна и не так. Достаточно вспомнить того же Милохина, вот уж кто разобрался бы с кем угодно! А он ведь ещё и чародей, пусть и слабый, зато – незарегистрированный. У младшего командного состава и рядовых матросов нередко за годы службы вскрывались плохонькие способности к чарам. Уж хватило бы обставить всё поаккуратнее, так, чтобы труп не нашли и следы от дробы – тоже.

Феномен, при котором у моряков, в ком изначально никакого дара не выявляли, но с годами службы он в незначительной мере проявлялся, был описан уже очень давно. Чародейская наука до сих пор не нашла этому точного объяснения, но версий было много – от смешных и глупых до вполне связных. Косорукову нравились две.

Первая утверждала, что зачаточные способности к водному чародейству заставляют человека невольно тянуться к родной стихии, а там они крепили и просыпались от постоянного пребывания на воде. Это, впрочем, не объясняло наличия среди моряков огневики, которых к воде совершенно не тянуло, в том числе и среди таких вот «новопроявленных».

Вторая же полагала, что чародейские способности в той или иной мере присутствуют почти у всех людей, просто померить их можно лишь с определённого уровня, а у кого дар

слишком слабый – раскачать его крайне трудно. Морские же суда издавна плотно окутывали чарами разного сорта, и чародеев на борту всегда хватало, и всё это служило благодатной почвой для взращивания малых талантов. Теплицей.

– Вашего отца здесь очень уважали? – заговорил Дмитрий через несколько мгновений тишины, когда они шли по теневой стороне широкой и достаточно оживлённой улицы. Кажется, оживление было связано не с местом, а со временем: солнце уходило, переставало нещадно палить, и люди выбирались под открытое небо.

И Шналь окончательно стал похож на обыкновенный маленький провинциальный город. Только перекасти-ёжики не давали Косорукову забыть, где именно он находится.

– Моего отца любили, – возразила Анна. – Как и всю нашу семью. Род Набелей живёт здесь давно, мой предок был одним из основателей Шнали, так что мы тут свои.

– И место градоначальника передаётся по наследству?

– Можно сказать и так, – улыбнулась она.

– А почему Шналь? Откуда такое странное название? И какого оно вообще рода? А то я и в мужском, и в женском слышал...

– Чжуры так зовут нашу речку, в честь неё и назвали. И с родом потому сложно. По бумагам-то мужского, но у чжуров в языке родов нет, а жителям и так и этак нравится. Так что ни в чём себе не отказывайте, – улыбнулась она.

– И как это переводится?

– Вы не поверите, но – «маленькая река», – весело отозвалась девушка. – Чжуры не дают названий местам в том понимании, какое вкладываем в них мы. Они считают, что у каждой горы, каждой речки и долины есть свои духи, притом многочисленные, и им будет неприятно получить какое-то собирательное название. Считают, что это звучит пренебрежительно.

– Справедливо, – рассеянно согласился он. – Это примерно как западные соседи нас всех «Иванами» называют, уважительность в этом сложно найти.

Городское управление прииска «Южный» занимало первый этаж двухэтажного каменного здания, последнего в ряду похожих. Следом, через улицу, уже начинался другой город, из деревянных домов на каменных основаниях, а за ними всё чаще попадались обыкновенные срубы.

Внутри здание состояло, по ощущению, из одних сплошных коридоров со множеством запертых одинаковых дверей с номерами, в расположении которых не виделось никакой системы. Здесь Анна ориентировалась плохо, поэтому не стала рваться вперёд и уступила возможность дёргать все подряд ручки спутнику, сама же молча двигалась следом, чувствуя себя при этом лишней. Понятно, что от неё требовалось только поручительство и это правильно, но всё равно ощущение было странным.

За годы, прошедшие со смерти отца, она быстро привыкла самостоятельно решать все вопросы, разговаривать и договариваться, и всё это – в одиночку. Была, конечно, Татьяна, добрая дородная женщина, которая приходила помогать по хозяйству, а вернее – вела его сама. Было четверо работников управы, помимо Анны, но все свои места занимали давно, службу знали прекрасно и справлялись с ней без понуканий.

Ей никто не пытался навязаться в компанию и в помощники, один только Старицкий, но и тот не слишком настаивал. Отношение горожан было понятно: она – Набель, а что у города теперь хозяйка, а не хозяин, для них не играло особой роли. Она и в детстве всегда была заводилой и очень редко следовала за кем-то. Одиночество порой тяготило Анну, но привычка быстро справлялась с давящим чувством, а отсутствие других вариантов и вовсе делало размышления об этом пустыми и бессмысленными.

Оказаться вдруг не одной, и притом – ведомой, было очень непривычно. Вроде бы мелочь, ну что такое одно посещение приисковой конторы? А всё равно – странно. И любо-

пытно. Особенно любопытно со стороны наблюдать за Косоруковым, таким серьёзным, спокойным, уверенным, знающим...

Это любопытство, граничащее с любованием, удерживало рядом с охотником гораздо крепче необходимости и желания узнать разгадку смерти Шалюкова. И Анне оставалось только радоваться, что она не любила откладывать дела на потом и предпочитала решать проблемы сразу: они не успевали накапливаться и при необходимости давали возможность взять перерыв и потратить его на что-то... вот такое. Тот же объезд города вполне можно было отложить на завтра, а сегодня – понаблюдать за охотником.

Милохин оказался прав, в охрану прииска Дмитрия никто с распростёртыми объятьями не принял. Присутствия градоначальницы хватило на то, чтобы его выслушали, вполне убедительно посетовали на отсутствие мест, предложили попробовать себя в качестве старателя... В общем, то ли рекомендация не помогла, то ли им правда никто не требовался.

На Анну рядом с приезжим пожилая делопроизводительница поглядывала с интересом и порывалась что-то спросить, но так и не решилась, а та предпочла сделать вид, что не заметила интереса. Тем более интерес был простым и понятным: прежде Анна с незнакомыми молодыми мужчинами по инстанциям не ходила. Но слухи градоначальницу не беспокоили.

Зато, как неожиданно выяснилось, беспокоили охотника.

– Думаю, сегодня уже поздно кого-то расспрашивать, вам стоит отдохнуть с дороги, а завтра я покажу место убийства и провожу на прииск, – предложила Анна, когда они вновь вышли на улицу. – Мне тоже нелишне туда прогуляться.

– Удобно ли? – с сомнением глянул на неё Дмитрий. – Нас и так уже заподозрили в нехорошем, – он кивнул на дверь конторы, – стоит ли усугублять совместными поездками? Хм. Вас это забавляет?

– Спасибо за заботу о моей репутации, но беспокоиться о ней не стоит, – действительно развеселилась она. – Я хозяйка города, мне позволено несколько больше, чем обычной незамужней девушке моего возраста.

– Вам виднее, – нехотя согласился он, не желая вступать в спор. Для дела её компания была кстати, а личное... На то оно и личное, чтобы позволить ей решать самостоятельно.

– Как вы стали охотником за головами? Мне кажется, вам не очень подходит это ремесло, – заметила Анна, меняя тему разговора.

– Зато за него хорошо платят, – невозмутимо отозвался Косоруков. – И оно не противоречит моим принципам, потому что охотиться на бандитов – вполне достойное и полезное занятие.

– А как вы доказываете, что действительно убили этого преступника? На самом деле приносите голову?

– Иногда удаётся привезти его живьём, – усмехнулся Дмитрий. – Но всякое бывало, да, у меня для этого специальный зачарованный мешок есть. Не всегда голову, иногда довольствуюсь рукой, если на ней есть особая примета, или каким-то предметом. Обычно ещё и документы прихватываю, если они есть. Они не все обременены паспортами.

– Значит, у вас и топорик при себе имеется? Голову отделять.

– Топор в любом путешествии полезная вещь.

– Хотела бы я на это посмотреть, – рассеянно проговорила она и задумчиво склонила голову набок, глядя перед собой.

– На что?

– На то, как вы готовите этакий отчёт, – пояснила девушка, неопределённо взмахнув рукой – не то охватила пространство перед собой, не то примерилась воображаемым топором к воображаемой шее. – Мне кажется, вы слишком шепетильны для такого.

– Вам кажется, – пробормотал Дмитрий, в который раз пытаясь убедить себя, что это не его дело и не стоит лезть в чужие странности. Но госпожа Набель с подобными рассужде-

ниями впечатляла его гораздо сильнее, чем мамонты, поэтому он не выдержал: – А вы, мне кажется, уж слишком спокойно относитесь к подобным вещам.

Анна искоса бросила на него непонятный, пробирающий взгляд и ответила:

– Мне было семнадцать, когда началась война. Через два года заболел и умер отец, и я заняла его место. Так что – вам тоже кажется, – она смягчила слова улыбкой, но на это Косоруков не обратил внимания.

Продолжать разговор Дмитрий не стал, но решил попытать счастья и расспросить вечером Милохина. Не о госпоже Набель, не очень-то это достойно – обсуждать за глаза девушку, но о войне и о том, как она обошлась с этим городом. Никаких разрушений он не наблюдал, значит, в городе боёв не было, но упоминание множества трупов в окрестностях, оставшихся с войны, говорило о многом. Не могли чиныцы проигнорировать это место: неподалёку удобный участок Клубнички, где можно наладить переправу, да и золотой прииск – лакомый кусок, пусть и небольшой.

Распрощались они всё на той же центральной площади, и Анна зашагала в управу. Во-первых, она жила в том же здании на третьем этаже, куда вела отдельная лестница из зелёного заднего двора, в который, в свою очередь, ближе всего было пройти сквозь здание. А во-вторых, стоило узнать, не случилось ли чего-нибудь в её отсутствие. Серьёзного – вряд ли, иначе бы её нашли, но какие-то прошения и письма исключать не стоило. Завтра она планировала уехать на целый день, и перед этим стоило всё проверить.

А Дмитрий, немного постояв и проводив девушку взглядом, двинулся дальше, мимо «Мамонтовой горки». Сидеть в трактире не хотелось, спать – тоже, поэтому он предпочёл пройтись и осмотреться. Лучше бы, конечно, продолжить расследование, но он пока не знал, за что можно взяться в городе. А ехать на прииск на ночь глядя, когда в округе полно упырей... Он не был трусом, но зачем рисковать попусту? Две недели это дело лежало и ждало расследования, ещё один вечер ничего не изменит.

В трактире он уже был и всё, что трактирщик считал нужным сообщить по делу, узнал. Поговорить с завсегдатаями? Не факт, что они станут откровенничать, а даже если и станут после бутылки, вряд ли расскажут что-то полезное. Судя по всему, с малознакомыми людьми Шалюков не откровенничал, а близких знакомых не имел. И не пил, так что рассчитывать на пьяные откровения не приходилось.

То же касалось и борделя. Обычно в такие места стекалась масса сведений, полезных и совершенно не нужных, но вряд ли там могли что-то знать о человеке, ни разу этот самый бордель не посетившем.

Церковь?..

Дмитрий, уже миновавший её, обернулся и взгляделся в золотые купола, залитые розовым закатным светом. Трактирщик упоминал, что в день перед смертью Шалюков посещал службу, значит, человеком был верующим. Конечно, набожность плохо сочеталась с остальным портретом покойника, но почему бы не проверить. Вдруг Шалюков так переволновался, что побегал исповедоваться местному священнику, как его? Отцу Алексию?

И хотя в принятом решении Дмитрий сомневался, но развернулся и двинулся обратно, к церкви. Только пройти решил не по нагретой каменной мостовой, а под сенью деревьев. Позади церкви, отделённое невысокой оградой, уютно устроилось старое кладбище, утопающее в тени древесных крон. Миновав небольшую калитку, Косоруков нырнул в приятную, сумрачную прохладу.

Кладбище оказалось тихим, очень чистым и ухоженным – не до холодной безликости, а таким... правильно чистым, по-парковому. Старые надгробия местами покрывал густой мох, многие могилы просели, но расположены были аккуратно, как по линейке, а мощёные дорожки – чисто выметены. На могилах густо росли какие-то мелкие бледные цветочки, которые здорово уступали в яркости традиционным погребальным венкам, но смотрелись как-то...

уютно, что ли? Дмитрий и сам себе не верил, но слово это подходило идеально. Ко всему кладбищу.

Здесь царили покой и умиротворение, и вид этот так сильно противоречил словам о рыскающих в округе упырях, что опять возникла мысль о некой незримой границе, словно в сказке. Как там было?.. Явь, Навь и Правь? Человек городской, образованный, деревенскими суевериями и старыми верованиями Косоруков не интересовался и только посмеивался над их наивностью. А в городке со странным названием Шналь все эти сказки казались удивительно близкими и правдивыми, и Дмитрий немного досадовал на себя, что плохо знаком со всем этим фольклором.

Вскоре Косоруков заметил между деревьями светлую человеческую фигуру и через несколько шагов сообразил, что видит перед собой местного священника в рясе из небелёного льна и такой же скуфье.

Решив, что это судьба, Дмитрий направился к нему, вглядываясь и пытаясь понять, чем тот занимался: священник доставал что-то из небольшого холщового мешочка и бросал на землю. Наверное, кормил белок или птиц, но кого именно – рассмотреть за надгробиями не получалось. В зеленоватой кладбищенской тишине слышался только негромкий требовательный писк.

Священник был сед, носил небольшую опрятную бороду и имел наружность из тех, по которым не определить истинный возраст: ему могло быть и сорок, и шестьдесят, и больше. Роста он был среднего, сложения – плотного в той степени, чтобы выглядеть солидно и благообразно, но не походить на карикатурный образ попа.

Через пару десятков шагов Косоруков наконец вышел на перекрёсток двух дорожек – и замер, потрясённо разглядывая существ, расположившихся у ног священника.

Маленькие, меньше локтя высотой, мохнатые человечки больше всего напоминали чертей. Тех самых, которых никто никогда не видел, но все точно знали, как они выглядят. У них были розовые пятчики, уши торчком, длинные подвижные хвосты с кисточками на концах и даже, кажется, рожки, но за это Дмитрий уже не поручился бы.

Вели себя зверьки гораздо достойнее птиц. Сидели, тянули лапки, просительно попискивали, ловко хватали полученное лакомство и тут же принимались его есть, по-беличьи держа обеими лапками. Не суетились, не дрались и куски друг у друга не отнимали.

Нового человека существа, сосредоточенные на еде, заметили не сразу. Один вдруг замер, уставившись на Дмитрия чёрными блестящими глазами, потом тревожно вскрикнул, его товарищи заверещали хором и прыснули в разные стороны, почти мгновенно растворившись среди травы.

Священник обернулся через плечо, вздохнул, заглянул в свой мешочек и вытряхнул на дорожку его содержимое – несколько маленьких кусков хлеба или сухарей. После чего развернулся и шагнул к по-прежнему неподвижному охотнику, на ходу надевая небольшие круглые очки, которые по-простому висели у него на шее на верёвочке, рядом с резным деревянным крестом.

– Протоиерей Алексей Озеров, я могу чем-то вам помочь?

– Благословите, отец Алексей, – отмер Дмитрий, машинально склоняя голову и складывая руки перед собой.

Священник невозмутимо перекрестил его, положил ладонь на лоб и благословил, после чего продолжил в прежнем спокойном тоне:

– Так чем могу помочь, сын мой?

– Да, простите, – окончательно собрался охотник. – Я Дмитрий Косоруков, расследую убийство казначейского проверяющего Шалюкова.

– Этого бедного тихого человека убили? Упокой, Господи, его душу, – он перекрестился, – но кому это могло понадобиться?

– Вот это я и пытаюсь выяснить. Я, конечно, не прошу вас нарушить тайну исповеди, если вдруг к вам являлся за прощением убийца, но, может быть, вы от кого-то что-то слышали? Шалюков, говорят, приходил в церковь. Он, случайно, не исповедовался? Или, может быть, кто-то упоминал о его врагах? Ссорях?

– Не представляю, – качнул головой священник и повёл рукой, предлагая пойти по дорожке дальше. – Не будем мешать, у них нынче время ужина.

– Кто это был? – осторожно спросил Дмитрий.

– Мелюзга эта? – улыбнулся в бороду отец Алексей. – Да Бог их знает. Хухлики, может, а может – нет, я не очень-то разбираюсь.

– Хухлики... – переспросил охотник. – Пойдите, водяные черти?!

– Да ну, какие они черти, коли освящённый хлеб за обе щёки трескают? – развеселился священник. – Нечистики мелкие.

– И вы их подкармливаете?

– Чем очищаю и благословляю на добрые дела, – продолжая улыбаться, назидательно добавил он. – Хоть и нечистые, а всё – Божьи твари неразумные, чего на них злиться да пенять? Доброе слово им скажешь, хлеба дашь – они и не озоруют с людьми, какой им после интерес проказничать, на сытый живот?

– Справедливо, – ответил на это Дмитрий, хотя рассуждения священника звучали неожиданно для духовного лица.

Казалось бы, именно ему в первую очередь полагалось осуждать само существование нечисти – полуразумных живых существ чародейской природы, селившихся рядом с людьми потому, что для жизни им требовались остатки чар и эмоции. Обычно – отрицательные, отсюда и вредоносность.

Но похоже, здешнему священнику удалось перевести их на другую кормёжку.

– И всё-таки, можете ли вы что-то сказать про Шалюкова?

– Про Шалюкова, – рассеянно повторил отец Алексей, глядя себе под ноги. – Антон... Антон Петрович, кажется? Дайте подумать...

Несколько саженей они прошли в молчании. Священник задумчиво разглядывал кладбище, а охотник его не торопил – попросил же человек время подумать, чего дёргать!

Да и вообще, кладбище это действовало на него удивительно благотворно. Задумавшись об этом, Дмитрий поймал себя на том, что его совсем ничего не беспокоит. Вот буквально ещё на площади голова почти пухла от обилия суетных мыслей и волнения об исходе дела, а сейчас на душе так легко, как не было уже очень давно. Может быть, ещё с тех пор, как он был зелёным школяром, приходил с занятий домой, а там вкусно пахло свежим хлебом. И мать ещё была жива, улыбалась, взлохмачивала ему рукой вихры на макушке и неизменно говорила: «Димуша, иди умывайся, да к столу сядем».

Странно только, что ощущение это посетило его именно на кладбище.

– Хотите чаю? – вдруг предложил священник и пояснил, не дожидаясь вопроса: – Простите, мне на ходу плохо думается, а вот за чаем – прекрасно. У меня хороший, чиньский, и варенье к нему вкусное...

– Можно и чаю, – согласился Дмитрий.

Домик священника стоял на другой стороне кладбища, подпёртый сваями, у самой речки, которая здесь закладывала очередную петлю и пересекала город. Кладбище было небольшим и старым, на нём покоились первые поселенцы этой земли, ещё с тех пор, когда хорошей каменной церкви в Шнали ещё не было, а была только крошечная деревянная часовенка. Прекратили хоронить тут не потому, что город разросся, а потому, что река постоянно подмывала берег. Строиться было нельзя по той же причине, и участок возле кладбища отдали под городской парк, каковым назывался участок едва облагороженного сырого леса, превращавшегося в болото по весне и иногда после сильных дождей в горах. Теперь хоронили в другом месте,

на выезде из города, за перелеском. Обо всём этом священник охотно рассказывал по дороге с видом заправского экскурсовода, а Дмитрий без особого интереса слушал.

Дом священника стоял на границе между парком и кладбищем, на улице, тянувшейся вдоль ограды. Внутри он оказался очень своеобразным. Стены покрывали обыкновенные обои, выцветшие от времени, но пол устлали циновки на чиньский манер, и при входе было принято разуваться. Хозяину в его лёгких поршнях на босу ногу что – сбросил да пошёл, а Дмитрий у порога завожился, стаскивая сапоги и про себя радуясь, что помылся хоть и быстро, но тщательно, и портянки сменил на свежие.

Где бы ещё ожидать встречи с этими восточными обычаями, как не в доме у православного священника!

Из небольших сеней прошли в горницу с парой окон, под которыми стоял накрытый белой скатертью стол, а напротив – белела солидная печь. Её по летнему времени не топили, обходясь младшим собратом – крошечной чугунной печуркой в дальнем углу, за занавеской. Оба мужчины перекрестились на иконы в красном углу, а после Дмитрий уткнулся взглядом в простенок между окнами и застыл в растерянности.

– Садитесь, сейчас я всё устрою, – гостеприимный священник махнул рукой в сторону стола, а сам снял скуфью и рясу, оставшись в полотняном подряснике, повесил их при входе, там же набрал в бочке воды в небольшой чайник и ушёл хлопотать у печки.

Дмитрий кивнул и машинально проследовал, куда велели, радуясь, что у него ничего не спрашивают и не надо пытаться отвечать, поэтому можно незаметно для хозяина справиться с мыслями и выражением лица.

В простенке между окнами висела, обрамлённая парой луковых плетёнок, чиньская картина тушью на рисовой бумаге. Уже одного соседства подобной светской живописи с православными иконами было достаточно, чтобы впечатлиться, а тут ещё и сюжет был... фривольным. Не то чтобы совсем непотребство, но полуобнажённая женщина в объятьях столь же полуобнажённого воина в доме священника – это слишком.

Впрочем, стоит ли этому удивляться после кормления нечисти? Стоит ли вообще хоть чему-то удивляться в этом городе!

– Занятная у них манера письма, да? – заметил хозяин интерес гостя. – Вроде тебе и лубок, а одновременно – и как будто настоящая живопись.

– Интересуетесь их культурой? – Дмитрий к этому моменту уже окончательно смирился с тем, что местный священник – он в первую очередь местный, и только потом уже – священник, а не наоборот, поэтому ответил спокойно.

– Соседи же, любопытно. Как их понять, если не интересоваться? – развёл руками отец Алексей, выложил на стол плетёные из бамбука круглые подставки и бережно выставил на них низкие чиньские же глиняные чашечки с росписью, а к ним – пару плошек с вареньем и блюдо с пирожками, накрытое рушником. Деревянные, потемневшие от времени простые ложки и глазурованные керамические тарелки с росписью ягодами и листочками на этом фоне уже почти не цепляли взгляд.

– И что вы о них думаете?

– Что тут люди, что там – люди, – философски ответил священник от печки. – По форме вроде и разное, а чуть подковырни – добродетели да грехи общие. Но я думаю, вы и без меня о том прекрасно знаете, верно? Из офицеров же, по всему видать.

– Пожалуй, – не стал отрицать Косоруков. – Люди, не псоглавцы сказочные.

Тому, что чай священник заваривал по-чиньски, в глиняном чайничке, Дмитрий уже не удивился. И большой ложке варенья в чай, святотатственной с точки зрения соседей, – тоже.

– Так, стало быть, вас интересует Шалюков, – отец Алексей сам вдруг вернулся к изначальной теме, когда гость решил, что его вопрос уже забыт, и собрался в очередной раз напомнить. – Тайну исповеди вы понятно к чему вспомнили, но тут мне и выбирать не придётся:

никто каяться в убийстве не приходил. Сам покойный тоже никогда не исповедовался, его сложно было назвать набожным, а прихожанином он был от ума, не от сердца.

– Что вы имеете в виду?

– В церковь приходил, потому что положено и прилично, а не оттого, что тянет. Знаете, как бывает? Один человек – в церкви дай Бог на Пасху или на Рождество появится, что священнику сказать – толком не знает, среди икон одну только Богоматерь без подсказки признает. Но по духу добрый христианин, заповеди не как повинность исполняет, а живёт ими и даже и представить не может, как иначе себя с людьми держать. А бывает другое, вот как Антон Петрович, упокой, Господи, его душу. Что там у него внутри – неясно, сундучок с секретом, а секрет тот чёрный и недобрый, но вид имеет благообразней большинства. Все обряды в точности блюдёт, крестится ровно столько раз, сколько велено, и ни единым больше, святую воду аккуратно принимает. Непременно у меня фляжку брал и утром, натошак, по ложечке, словно микстуру, пил. Только сердце – глухое-глухое, о другом думает.

– Боюсь, это немного не то, что может помочь в поисках его убийцы, – осторожно ответил Дмитрий. Характеристика была понятна и прежний образ дополняла неплохо, но интересовало его другое.

– Да, наверное, но больше я ничего не могу вспомнить, – удручённо признался священник. – Он ни с кем не ссорился, не разбивал сердец...

– Может быть, шантаж?

– Не тот, за какой могли бы убить, – заверил отец Алексей. – Он был слишком осторожен, прижимист, но не жаден, а больше я ничем помочь не могу. Впрочем, могу дать один совет, но я почти уверен, что вы примете его в штыки и не воспользуетесь.

– Бросить это дело? – хмыкнул Дмитрий.

– Нет, зачем же? Полдела бросать – дурное, – возразил священник. – Обратитесь к Джие.

– Джие? – растерянно переспросил он. – Кто это такой?

– Такая. Джия, наша ведьма. Ну что вы так в лице переменились? – смутился он. – Вот ещё пирожок возьмите... Она многое знает и кое-что может, а раз у вас всё равно других вариантов нет, то почему бы не сходить, верно? Хуже-то не будет. Точно вам через столько времени, конечно, даже она ничего не скажет, но вдруг поможет.

– Священник советует мне обратиться к ведьме, – пробормотал Дмитрий, задумчиво глядя в чашку. – Я с ума сойду с этим городом!

– Бросьте, ну вы же сами были чародеем, чем вас так ведьма поразила? – попытался вступить за свою протезе отец Алексей.

– И чем она мне поможет? На картах погадает или куриных потрохах? – поморщился охотник. – Чары – это точная наука, а ведьмы... Шарлатанство для доверчивого простого люда.

Священник не стал спорить, только глубоко вздохнул и удручённо качнул головой, сделал глоток чая и тихо заметил:

– Я же говорил, вам этот совет не придётся по душе. А больше я ничем помочь не могу. Разве что ещё чаю?

– Не откажусь, – кивнул Дмитрий.

Отец Алексей, конечно, был не менее странным, чем весь остальной город, однако чай у него и правда был хорош.

Глава 4. Снова в седле

Посиделки у священника затянулись до ночи, и, если не касаться скользких вопросов ведьмовства и местной нечисти, стоило признать, что отец Алексей оказался приятным и интересным собеседником. Разносторонний, начитанный, изумительно открытый миру человек – странно было встретить подобного в такой глуши и при таком сале.

Дмитрий с неудовольствием обнаружил, что год жизни вольного охотника заставил его заметно одичать, отвыкнуть от интересных, умных собеседников и таких вот разговоров для удовольствия. Да и от жизни он сильно отстал – книг не читал, даже газет в руки не брал и плохо представлял, что происходит в мире. И ладно бы только в глобальном, политическом смысле, он и губерньских-то новостей не знал!

Вспомнились вечера в офицерском собрании Южного, тогдашнем центре светской жизни, споры до хрипоты обо всём на свете. Казалось бы, с тех пор всего пять лет прошло, но Дмитрий сейчас особенно остро ощутил ту пропасть, что пролегла между ним сегодняшним и тогдашним молодым офицером, едва вкусившим настоящей флотской жизни.

То есть тогда уже думавшим, что вкусил. Легко ощутить себя опытным морским волком, когда грозному броненосцу с большой командой опытных чародеев не страшны штормы и штили, дамы на берегу прекрасны и благосклонны, а жизнь впереди видится большим приключением.

После контузии и выгорания он избегал оглядываться назад, стараясь жить настоящим. Так было проще пережить потерю, не упиться жалостью к себе и не попытаться утопить её в бутылке. Да, карьера покатила под откос, планы пошли прахом, но он жив и здоров – руки-ноги целы, голова на плечах, и, стало быть, жизнь не окончена. А уж вспоминать тех, с кем он в кают-компани новостями обсуждал, с кем и над кем подшучивал, с кем дружил, а кого недолюбливал... Никого и ничего не осталось, лишний раз трогать – только раны беречь. Воспоминания причиняли нешуточную боль, жгли душу калёным железом, и проще оказалось вовсе об этом не думать.

Не сразу он к этому приучился, но за пару месяцев сумел и без малого год не оглядывался в прошлое. А теперь вдруг обернулся – и не встретил ни обречённой пустоты, ни тоскливой горечи, ни острого сожаления, с которыми так боялся столкнуться.

Нет, не теперь, парой часов ранее. Когда в чай пошла ароматная травяная настойка, а отец Алексей задал какой-то невинный вопрос о службе, а потом слово за слово – и Дмитрий незаметно для самого себя рассказал всё, и даже больше. Местный священник изумительно умел слушать, отлично – расспрашивать и в совершенстве – утешать душевные печали словно бы одним взглядом.

Притом, разговаривая с ним, Косоруков ничего такого и не замечал, разговор ладился легко, сам собой. И никакие вопросы не встречались в штыки, и не было желания привычно отмолчаться, уйти от неприятной темы. А теперь Дмитрий дивился своей неожиданной откровенности и ещё больше – всё тому же спокойствию, которое как посетило его на кладбище, так никуда и не делось.

Погружённый в свои мысли, охотник потянул на себя дверь трактира – и едва не шарахнулся назад от неожиданности, когда навстречу выкатился и толкнул его в грудь громкий смех пополам с задорными фортепианными аккордами. После тишины кладбища и тёмных городских улиц и размеренной беседы со священником переход оказался внезапным.

Однако Косоруков быстро справился с собой, прошёл через полный зал, уворачиваясь от девушек-подавальщиц и нетрезвых посетителей, замешкался у стойки, пропуская дюжего парня с огромным подносом, заставленным тарелками и кружками. До сих пор на охотника никто не обращал внимания, а тут вдруг заметил хозяин, наблюдавший за залом из-за стойки.

Окликнул по имени, махнул рукой, и Дмитрий не стал отмахиваться, приблизился, вопросительно дёрнул головой, приподняв брови – мол, чего хотел?

О своём собственном желании расспросить Милохина про военные годы он помнил, но сейчас исполнять его не собирался – и шумно слишком, и время уже позднее. Да и не хотелось сейчас разговоров, для начала стоило переварить результаты долгой беседы со священником.

Игнат окинул его взглядом, усмехнулся и поманил за собой за не приметную дверку позади стойки, прихватив с собой свечку.

– Что случилось? – спросил Дмитрий, с интересом оглядываясь в почти чулане, кажется заменявшем хозяину кабинет. Во всяком случае, кроме пары стульев, стола со счётами на нём и пары полок, занятых стопками каких-то тетрадей, тут ничего не было. И звуки зала сюда докатывались, однако приглушённые, не мешающие разговаривать.

– Это я тебя спросить хотел. Что-то ты взъерошенный больно, случилось что? – с искренним беспокойством спросил трактирщик.

– Да не сказал бы... Со священником вашим познакомился, чай гоняли.

– А-а, – протянул Игнат понимающе, разом успокоившись. – Священник у нас замечательный, другого такого нет.

– Да уж, – хмыкнул Дмитрий. – Я с трудом представляю себе другого священника, который советовал бы пойти к ведьме за советом.

– А и сходи, кстати, – оживился трактирщик. – Дело он тебе сказал.

– Игнат, ты же чародей! Может, необученный, может, слабый, но всяко же должен чувствовать, где есть сила, а где нет, да и на службе не мог не нахвататься. Ты что, всерьёз веришь в какие-то там силы ведьм?

Игнат смерил его взглядом, вздохнул очень похоже на то, как вздыхал священник, но ответил другое:

– Во что я там верю – это дело моё. А Джия баба умная, знающая, к ней все местные бегают чуть что, так что поговорить всяко нелишне будет. Ажно если делом не поможет, может, и расскажет что.

– В таком ракурсе – пожалуй, – задумчиво согласился Дмитрий.

– И отца Алексия ты слушай, ежели что советует. Он такой священник, каких во всём мире не сыщешь больше, святой всамделишный. И не смотри, что чудаковат, ему простиительно. Ты ж к нему не прямоком сам пошёл, верно? Случайно встретил?

– С чего ты взял?

– Да с ним всегда так и бывает. Он ежели человеку нужен – сам на глаза попадается и завсегда всё видит. Так что коль он разговоры какие с тобой разговаривал, то это на пользу. Хороший священник для души облегчение приносит, они же тому и служат. И отец Алексей в этом точно первый... Ну ладно тебе, не зыркай так, я ж не лезу и не пытаю, о чём вы говорили. Встревожился, на тебя глядя, но ежели ты этак после разговора с нашим священником – тажно и волноваться не о чем. Ты голодный, поди?

– Нет, меня отец Алексей пирожками накормил. Пойду отдыхать с дороги. Да, а куда кобыла моя делась? Она мне завтра понадобится к рассвету.

– Нужна – будет, – заверил трактирщик. – Тут конюшня хорошая недалече, туда и свели. Я распоряжусь, приведут её. И с собой снеси какой-никакой соберу.

– Спасибо. Если я сам не проснусь, пошли кого-нибудь разбудить, хорошо?

– Добро, не волнуйся. Всё будет как надо.

* * *

У Анны вечер вышел хоть и не менее – а может, и более – насыщенным, чем у пришлого охотника, но несравнимо более скучным, потому что возня с бумагами не шла ни в какое сравнение с поисками убийцы, которые весь вечер не шли из головы. Так что она хоть и любила утром поспать, но пропустить сегодняшнюю поездку не могла и на рассвете уже ждала Косорукова у «Мамонтовой горки», вяло обсуждая с мальчишкой-посыльным стати и достоинства лошадей, а вернее – недостатки охотниковой кобылы, которые рядом с ладным жеребчиком Анны особенно сильно бросались в глаза.

Рыжий донской жеребец со звучным именем Гранат человеческого мнения о даме не разделял и поглядывал на неё с явным интересом, фыркал, даже ржал тоненько. Дама, однако, демонстрировала прежнее равнодушие и дремала у коновязи, повесив голову и подогнув правую заднюю ногу. На кухонного мальчишку, который пристраивал к седлу сумку с провизией, и на овёс в седельных сумках Граната Зорька тоже не обратила внимания. Глядя на неё, Анна то и дело боролась с зевотой и тем сильнее обрадовалась появлению Косорукова.

Дмитрий тоже проснулся в благодушном настроении, которому способствовал долгий и крепкий сон на хорошей чистой постели, которая не трясётся и никуда не едет, как койка в поезде, а ещё ровная и удобная, в отличие от земли. За время службы качка и постоянный шум множества механизмов стали привычными и родными, но с тех пор прошло изрядно времени, и привычка кончилась.

Но на веранде трактира, стоило заметить госпожу Набель, простые утренние мысли моментально вылетели из головы охотника: уж больно впечатляюще выглядела градоначальница. А если совсем точно, то – её нижняя часть, облачённая в штаны и высокие сапоги. И если взглянуть отвлечённо, то можно было отметить, что штаны эти достаточно свободные и не обтягивают ноги, даже немного скрадывают очертания. Но для этого надо было отвлечься, что у Косорукова не получалось. Ноги были длинными и стройными, Торк в кобуре дополнительно подчёркивал изгиб бёдер, и этот вид будил понятные и предсказуемые, но очень неуместные желания и мысли.

– Дмитрий, вы в порядке? – окликнула девушка, и он, вздрогнув от неожиданности, наконец очнулся и через силу поднял взгляд на лицо Анны.

– Да, конечно. Поедемте, не станем терять время.

– Только мы поедем немного вкруг, – предупредила градоначальница, когда они двинулись по улице, и тут же цыкнула на жеребца, который попытался проявить к Зорьке интерес. Странно, но он послушался. – Поднимемся вон туда на холм, город объедем.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, как там дела. Я регулярно объезжаю город, чтобы ничего не пропустить.

– Похвальный обычай, – задумчиво проговорил он.

Некоторое время ехали молча. Центр города был тих, а вот ближе к окраинам жизнь уже проснулась. Голосили петухи, мальчишка-пастух гнал небольшое стадо коз за околицу. В одном месте дорогу им перешёл степенный мамонт, на шее которого покачивался молодой парнишка в соломенной шляпе. Точнее, мамонтиха, потому что за ней следом, держась хоботом за хвост, семенил пушистый и лопоухий мамонтёнок.

Погонщик звонко крикнул: «Привет, хозяйка!», – та в ответ улыбнулась и махнула рукой.

– Почему они все называют вас хозяйкой? – спросил охотник. – Это звучит довольно странно.

– Привычка, – неопределённо пожала плечами Анна. – Так давно уже заведено. Отец был хозяином города, ну а я – хозяйка.

– И вам нравится такая служба? Неужели не хочется заняться чем-то другим?

– Я привыкла, – усмехнулась она. – Ещё с детства, у отца не было других детей.

– Это тем более странно. Градоначальник ведь выборная должность?

– Ну разумеется, притом единогласно, – отозвалась она и сочувственно улыбнулась: – Не задумывайтесь об этом, мой вам совет. Вы не живёте в Шнали, вас это никоим образом не касается. Главное, чтобы нас всё устраивало, правда?

– Конечно, но... – ответил он, но осёкся на полуслове и лишь качнул головой.

А что говорить? Что это странно – совсем юная девушка, которую выбрали градоначальницей приграничного городка в разгар войны? Да она, кажется, и сама это понимает, только объяснять не намерена. И почему должна?..

– Почему ты остался в Рождественске? – вдруг решила поддержать беседу Анна.

– А почему нет, город как город, – пожал он плечами в ответ. – А мы на «ты» в одностороннем порядке?..

– Простите, – виновато улыбнулась она. – Я не привыкла ко всем этим ритуалам, у нас тут всё проще. Стоит немного забыть, и вот... Если вам важно, то я постараюсь.

– Не то чтобы важно, просто непривычно. Девушка всё же, – с лёгким смущением ответил Дмитрий. – Я отвык общаться с приличными девушками, но эта привычка оказалась сильнее других.

– Ну... В таком случае считай, что я неприличная. И всё же, почему Рождественск? Ты же не здешний. И по выговору видно, и вообще.

– Из Павлограда, верно, – подтвердил он.

– Тем более! Почему не вернулся? Неужели там совсем со службой туго? Пусть и не на флоте.

– Нет, почему? Можно устроиться, – задумчиво проговорил Дмитрий, опасливо и недоверчиво прислушиваясь к себе. – Я военный инженер по специальности, паровые котлы знаю, да и не только...

Привычная тоска и безысходность, тщательно запрятанные на самое дно души, не шевельнулись. Кажется, после вчерашнего они сгнули безвозвратно. Сложно было принять, что для такого исцеления хватило одного разговора с местным священником.

– Но? – заинтересованно поглядела на него Анна.

Он всегда уклонялся от таких разговоров и мыслей, а сейчас поддержал разговор – осторожно, как пробуют поломанную руку, сняв после долгого лечения лубок. Не веря самому себе: неужто и впрямь отболело?

– В Павлуху ехать смысла нет, что я там забыл? Тут и остался. А что в инженеры не пошёл... От моря с души воротит, да и без него видеть я эти железки уже не могу.

– Почему? – озадачилась она.

– Надоело, – отозвался он, поморщившись и передёрнув плечами.

– Зря. Как инженера тебя бы на прииск взяли, если и правда толковый. Инженеры там никогда не лишние, у нас их мало.

– Как вышло, так и вышло, – отмахнулся Дмитрий. – Тем более я же приехал не наниматься на службу.

– Да, убийцу ловить, – вздохнула Анна. – Я помню. У тебя никого не осталось в Павлограде, да?

– Никого, – подтвердил он. – Мать умерла, когда я ещё учился, болела. Отец после уже, во время войны, когда... В общем, во время войны, – он опять оборвал себя на полуслове, не желая вдаваться в детали.

– Оставайся здесь, – вдруг предложила девушка после короткой паузы. – У тебя же и в Рождественске никого нет?

– Неожиданное предложение, – растерялся охотник. – И чем я его заслужил?

– Мне кажется, тебе здесь будет хорошо, – невнятно ответила Набель и тут же продолжила о другом, кажется не желая продолжать обсуждение: – О чём и с кем ты хочешь говорить на приiske?

Несмотря на то, что вспоминать прошлое вдруг стало легче, продолжать этот разговор Дмитрию не хотелось. Воспоминания в любом случае не из приятных, и одно дело поделиться ими со священником – вроде исповеди выходит, а совсем другое – плакаться незнакомой девушке. Жаловаться он не любил и жалости ни от кого не ждал, а без этого вряд ли получится.

Расспрашивала ли она из вежливости или любопытства, какой смысл рассказывать, что он до сих пор чувствовал себя виноватым в смерти отца, пусть и понимал, что не мог её предотвратить и что-то изменить? Потому что он точно знал, что убила того весть о гибели «Князя Светлицкого» и смерти единственного сына. До новости о том, что сын выжил и в плену, отец просто не дожил.

Или рассказать о том, что он, после того, как едва не погиб, стал бояться открытой воды? Вот уж отличная тема для беседы с хорошенькой девушкой! Или чем-то лучше истории из плена, где он вынужденно работал инженером на шахте и с тех пор просто не мог заставить себя вернуться к когда-то любимой профессии? Не очень-то радостной была та работа, тошно было, что врагам приходится помогать. Вот только дураков там не было, и начальство рудника справедливо не опасалось никаких диверсий и саботажа со стороны Косорукова и ему подобных: от его работы зависела не столько сама шахта, сколько жизни таких же военнопленных.

Так что решению Анны сменить тему он обрадовался, а она...

Она тоже обрадовалась, что охотник не стал настаивать на ответе, потому что и сама его толком не знала. Действительно, зачем она предложила ему остаться? Знакомы несколько часов, почти ничего об этом человеке не знает, а об умениях его в курсе только с его же скупых слов. Но всё равно, ляпнула!

Во всём было виновато чутьё, это она прекрасно понимала, но не смогла бы объяснить скептически настроенному собеседнику. Она никогда не была чародейкой, на ведьму тем более не годилась, но людей чуяла прекрасно. А самое главное, отлично знала этот город, эти земли и их чаяния. И уже сейчас не сомневалась: решив остаться, Косоруков без труда приживётся в Шнали. Он пришёлся по душе этому городу, как с первого взгляда понравился Милохину. Но разве объяснишь это приезжему чародею? Пусть и бывшему.

Поэтому куда лучше говорить о приiske, убийстве и маленьких городских делах.

Впрочем, о своих планах Косоруков рассказывал неохотно, явно не до конца доверяя собеседнице, так что той вскоре надоело вытягивать из него по несколько слов. А там уже и ей стало не до отвлечённых разговоров: поделиться проблемами спешили горожане, и это было куда важнее.

Привычку регулярно объезжать границы города Анна приобрела во время войны, чтобы своими глазами видеть ситуацию. Сейчас острой необходимости в подобном не было, но отказываться от заведённого порядка она не стала, просто теперь делала это реже, раз в седмицу.

Проблемы были рутинными, ничего тревожного. Большинство сетовали на засуху, кое-где с осыпи на дороге скатилось несколько крупных камней, которые стоило убрать. В одном месте рассказали о небольшом пожаре, с которым удалось справиться своими силами, в другом – о провалившейся крыше на старом сарае. Несколько женщин пожаловались на колодец, который стоило почистить. Мужичок неопределённого возраста и самого забуддыжного вида, которого Дмитрий видел в «Мамонтовой горке» и даже вспомнил прозвище – Хрюн, – долго радостно тряс ладонь градоначальницы и благодарил за помощь: на его дом упало старое дерево, сам бы убрать точно не смог, горожане помогли.

Несколько раз Анна просто останавливалась перебраться словом-другим с самыми заядлыми сплетницами и собрать последние новости. У кого какие события в жизни, от самых местечковых, вроде очередной ссоры несдержанного на язык и руку старателя с блудливой и не

менее бойкой женой, до основных – кто родился, кто умер, кто собрался жениться или крестить ребёнка и очень хотел пригласить хозяйку. У местных это считалось хорошей приметой, если праздник навещал хозяин города. И Анна искренне старалась никого не забыть и хотя бы заглянуть с поздравлением.

Дмитрий спутнице под руку не лез и не потираливал. Да, тратить время не хотелось, но тут стоило поблагодарить уже за то, что Анна сама вызвалась показать место, где нашли убитого, и помогала в расследовании. Учитывая, что именно она должна была одобрить его результат, лучшего и желать не приходилось.

К тому же интересно было посмотреть на жизнь этого странного города изнутри, особенно на то, как горожане относились к своей... хозяйке. Чем дольше Дмитрий наблюдал, тем более уместным казалось ему это неожиданное слово. Она сама держалась как хорошая хозяйка – проверяла запасы, глядела, где накопилась пыль, где бы подновить краску или поменять обои. И встречали её точно по этому слову. Но, главное, госпожу Набель здесь искренне любили и верили ей безоговорочно. Не приходилось сомневаться: какой бы ни была она градоначальницей, а место своё занимала уж точно по желанию горожан.

Тем временем солнце карабкалось всё выше и начинало нешуточно припекать. На свете было свежо и даже как будто тянуло лёгким ветерком, но быстро стало понятно, что день выдастся неотличимым от прежних. А может, и жарче, потому что уже сейчас хотелось найти ручеек попрохладнее да возле него и остаться. Даже перекати-ёжики перестали попадаться, а Косоруков только начал к ним привыкать!

Дорога вскарабкалась на склон горы, подпиравшей Шналь сбоку, и зазмеилась между крепких изб и длинных ярусов грядок. Ботва печально поникла, кое-где – вовсе пожухла. Жильё перемежали каменистые осыпи или пробитые в скале уступы, пару раз дорога по прочным коротким мостам пересекала обрывистые ручьи. Отсюда открывался прекрасный вид на город, и Дмитрий то и дело оглядывался на долину и холмы, любуясь.

Дальше, забирая влево, дорога спустилась вниз позади города. Пересекла тихий лесок, через широкий сенокосный луг вышла на берег реки и потянулась вдоль неё в редком смешанном лесу, обнажаясь то с одной, то с другой стороны. Потом река ушла дальше вправо, а вдоль дороги потянулся овраг с каменистым дном: в паводок тут сходила вода с гор, а сейчас было сухо.

– Вот тут его нашли, – придержав коня, нарушила долгое молчание Анна. – Вон там, видишь, где ветки сломаны? Внизу под ними.

Дмитрий молча спешил, ослабил подпруги и захлестнул поводья за сук низкого кряжистого деревца незнакомой породы.

– Совсем внизу? – спросил задумчиво, подойдя к краю.

– Почти, – ответила она, отводя коня чуть дальше, а там уже сама спешила и вернулась к охотнику, остановилась рядом. – Вот там. Видишь, крупный розоватый камень? Вот в аршине от него, почти навзничь, вдоль падушки, ногами в ту сторону. Замучились его вытаскивать, пришлось дальше вдоль падушки нести три десятка сажень, там положе. А это важно?

– Наверное, только я пока не понимаю, для чего, – усмехнулся охотник. – То ли он сам упал туда, когда подстрелили, то ли его сбросили, пытаясь спрятать тело. С дороги-то его не видно, как пастух вообще заметил?

– Случайно, – отозвалась Анна. – Вон, видишь, ерник в паре сажень? Он туда до ветру отошёл и фляжку упустил, пришлось вниз лезть. Ну а там и труп углядел, падушка, гляди, ровная здесь, заметно.

– Ерник – это тоже что-то местное? Кусты вон те, что ли? – пробормотал Дмитрий. – Выходит, кабы не случайность, его бы и не хватился никто ещё несколько дней, а там уже и не нашли бы? Тогда не верится, будто место это было выбрано случайно. И засаду тут негде

устроить, – заметил негромко. – Хотя... если вечером... – он с сомнением оглядел широкий пологий склон, уходящий вдаль от дороги. – Спустишь вниз, гляну.

Анна понимающе кивнула, но сама в овраг не полезла, остановилась у его края, наблюдая за тем, как охотник, оскальзываясь и цепляясь за ветки, осторожно одолевает крутой склон. Там была всего пара сажень, но обрыв заметный, по неосторожности можно и шею свернуть.

Косоруков, спустившись-съехав вниз, подошёл к приметному камню, внимательно озираясь. Он не был гениальным следопытом, но кое-что понимал, а за год вольной охоты и вовсе наловчился замечать разные приметы и верно толковать их. Кроме того, засуха здесь оказалась на руку – дождя не было уже давно, так что можно было без труда рассмотреть следы крови и даже засохшие ошмётки плоти там, где раньше лежало тело.

Склон, с которого упал труп, столь красноречив не был. Заложив большие пальцы за ремень брюк, Косоруков остановился чуть сбоку, пытаясь представить, как и откуда падало тело. Вот там, наверху, сломана ветка, уже высохла за прошедшее время. И вот там ещё, но – и только.

Пара сажень высоты, и берег хоть крутой, но всё же не отвесный – и спуститься можно, и подняться, если держаться за деревья. Но ни одного вывороченного камня, никакой вспаханной земли, как там, где только что спускался Дмитрий. Что это значит? Только одно: здесь никто не спускался, а значит, убийца к телу не подходил.

А значит, предположение о случайном грабителе ещё менее вероятно: такие обычно не утруждают себя тем, чтобы припрятать тело. А тут подняли и сбросили, причём не просто подтащили и столкнули, а именно взяли – и бросили, потому что уж слишком далеко тело лежит от края, да и не упало бы оно, кажется, так, если бы свободно катилось с самого верха. И за деревья бы небось зацепилось, и землю бы всяко потревожило.

А вот эти следы, наверное, оставили упыри, и жаль, что не проследить, откуда они вообще пришли и куда делись – на каменистом дне оврага не видно, только в нескольких местах земля вспорота когтями. Откуда они вообще берутся здесь, эти твари, и где прячутся днём?

И почему недожрали труп?..

– Что, нашла себе хозяина, хозяйка? – Прозвучавший вдруг наверху незнакомый мужской голос с лёгким акцентом заставил Косорукова вскинуться и развернуться. – Подходит! – добавил незнакомец, с ухмылкой разглядывая револьверы в руках пришельца.

– Не говори глупостей, – раздражённо ответила ему Анна, и Дмитрий, поморщившись, убрал оружие в кобуру: угрозы явно не было. – Это охотник из Рождественска, убийцу ищет.

Незнакомец молча, с довольной улыбкой разглядывал стоящего внизу Косорукова, а тот снова удивлялся и снова думал о том, что делать это в Шнали приходится больше и чаще, чем за все годы службы, а то и за всю жизнь.

Это был чжур из числа местных, и очень приметный чжур. Кажется, довольно молодой, хотя Дмитрий никогда толком не умел оценивать их возраст по лицам. Невысокие сапоги на плоской подошве, подвязанные кожаными шнурками; штаны из тонкой, хорошо выделанной кожи; странная бесформенная роба, вся расшитая длинной бахромой и какими-то меховыми полосками, увешанная плетёными знаками, перьями, мелкими косточками и бусинами. Они же украшали и странную причёску – из-под шапочки коротко подстриженных чёрных волос сбегал десяток тонких длинных косиц, перевитых цветными шнурками. Лоб пересекала широкая узорчатая повязка, сплетённая из кожаных полос.

То есть выглядел он как типичный дикарь, словно сошедший с картинки, однако поразительно хорошо знал язык и держался как-то... не так.

– А что он тут-то смотрит? Тут убийцы нет, – продолжая улыбаться, заметил чжур.

– А вы, может, знаете, где его искать? – с иронией спросил Дмитрий.

– Где – не знаю. Знаю кого. Знаткоя ищите.

– Кто это? – озадачился Косоруков, а Анна вздохнула:

– Колдун. Ты уверен?

– Колдун? – растерянно переспросил одновременно с ней Дмитрий. – Вы это всерьёз?..

– Уверен, – отозвался чжур. – Вылезай оттуда, охотник, мертвецы давно ушли.

Дмитрий задумчиво хмыкнул себе под нос, окинул овраг новым скользящим взглядом, но действительно принялся выбирать наверх. Искал он тут, конечно, не мертвецов, но и так всё, что мог, уже нашёл.

Подъём оказался коротким, но трудным, пришлось карабкаться едва ли не на четвереньках, цепляться за ветки и кое-где за камни. В конце подъёма, на самом крутом участке, перед лицом возникла тёмная, заскорузлая ладонь чжура, и Дмитрий с благодарным кивком принял помощь.

Рука оказалась сухой и твёрдой, а чжур – сильным. Он был почти на голову ниже Косорукова, заметно уже в плечах, но дёрнул наверх весьма уверенно. Хитро блеснул чёрными глазами из-под набрякших век, окинул охотника взглядом, опять усмехнулся, оглянулся на Анну с той же странной улыбкой и только после этого выпустил руку.

– Так что это за фантазии про колдунов?

– Это не фантазии, – возразила Анна. – Ийнгджи – шаман, уж он-то может отличить!

– Ещё и шаман, – вздохнул Косоруков себе под нос и представился: – Дмитрий. Может, шаман сумеет вычислить колдуна среди окрестных жителей?

– Только если буду рядом, когда силу свою призовёт, – с достоинством отозвался тот. – Духи знаткоев не чувствуют.

– И что он здесь делал, ты тоже не знаешь?

– Много времени прошло, не понять, – ответил шаман. – А ты, хозяйка, приглядишься, – подмигнул он Анне. – И поосторожнее, вечером буря будет, – добавил и, не найдя нужным попрощаться, неспешно пошагал по каменистой дороге в ту сторону, откуда приехали путники.

– Откуда этот желтокожий так хорошо знает язык? – полюбопытствовал Дмитрий.

– В нашей школе учился. Чжуры иногда приходят, им интересно. А он – шаман, сын шамана, он любит узнавать новое.

Несколько секунд Косоруков постоял, разглядывая дорогу и овраг, а после махнул рукой и двинулся к лошади:

– Ладно, поехали дальше.

Чтобы взобраться обратно в сёдла, много времени не понадобилось, и лошади вновь глухо застучали подковами по пыльной каменистой дороге.

– Скажи, а в городе часто пропадают люди? – вспомнил ещё один важный вопрос Дмитрий. – Было что-нибудь такое в последние месяцы?

– Ну... С месяц назад пьяницу одного за окраиной города упыри задрали, но тело быстро нашли и похоронили честь по чести, так что вряд ли это именно то, что тебя интересует, – задумавшись, не сразу ответила Анна. – А так нет, тихо. Почему ты спрашиваешь?

– Я не верю в случайных бандитов, – отозвался Дмитрий. – Труп сбросили вниз целенаправленно, чтобы не нашли, обычным разбойникам на такое плевать – они своё уже получили. Да и ради наживы странно было расправиться только с одним и больше никого не тронуть. А у вас ведь нет грабителей?

– Нет, – подтвердила она. – Карманник только на базаре промышляет уже давно, никак отловить не можем, уж больно ловок...

– Карманник – не то, эта братия убийствами не пачкается. А ещё вот что непонятно. Если его пожрали упыри, почему бросили почти целый труп? Насколько знаю, после их пиршества очень мало остаётся, если никто не спугнул, а пастухи вряд ли видели здесь упырей.

– Наверное, нашли поздно, – предположила Анна. – Они на открытые пространства выбирают редко, а отсюда до укромных уголков далековато. За перелеском снова поля, холмы вон лысые, перелесок весь тоже насквозь просвечивает, а они обычно ближе к скалам держатся, где

пещер полно, или в лесу, где земля мягкая и закопаться можно. Очень странно. И знаткой ещё этот... Жаль, Ийнгджи не сумел понять, что тот здесь делал. Колдун его и убил? Но для чего?

Дмитрий только пожал плечами, потому что ответа у него не было.

Колдуны были редкостью, наукой они считались отклонением. Чародеи, они же волшебники, или на заграничный манер маги, накапливали силу в себе и могли тратить её как угодно в пределах ёмкости и талантов, а вот колдуны были в этом очень ограничены, они управляли только заёмной силой. Бытовали легенды, что колдуны древности могли черпать силы прямо из стихийных источников, но никаких подтверждений этого не существовало, так что чародеи относились к обладателям этого дара несерьёзно, часто со снисходительной жалостью.

Единственной полезной особенностью колдунов была невозможность определить их в толпе людей, в отличие от волшебников, которые для видящих буквально сияли, даже такие слабые, как местный трактирщик. Даже выгоревших, вроде самого Дмитрия, можно было легко отличить от неодарённых – если знать, куда именно смотреть.

Но колдуны существовали и кое-что могли, это было известно и доказано. А вот про чжурских шаманов ходили только многочисленные слухи, и верить в наличие у дикарей хоть какой-то силы не приходилось. Так что и предположение об участии колдуна Косоруков принял с осторожностью.

Если шаман каким-то чудом угадал, это ничего не меняло. Бросать всё и мчаться срочно вычислять колдуна Дмитрий всё равно не собирался. А если соврал и придумал, то... в общем-то, это точно так же ничего не меняло. Тем более даже шаман не утверждал, что колдун – убийца.

Но как бы ни сомневался Дмитрий в талантах чжура, а мысль о колдуне всё равно зацепила. Сложно сказать, чем именно. Наверное, тем, что злобный колдун прекрасно вписывался в местную сказочную действительность, и только его одного и не хватало для полного комплекта суеверий. Поэтому Косоруков невольно задумался.

Что мог делать здесь колдун и что колдовать? Дмитрий знал о возможностях колдунов не так уж много и уверенно рассуждать об этом предмете не мог. Мог ли он приманить или отпугнуть упырей? Если приманил, это было на руку убийце, и, вероятнее всего, убил тоже он. Если отпугнул – это объясняло, почему те не покончили с трупом, но не отвечало на вопрос, почему он никому ничего не сказал. К трупу-то никто не спускался!

Но это если колдун вообще существовал. А если всё проще и это шаман убил Шалюкова? А теперь пытается свалить вину на вымышленного злодея.

Хорошая версия, только придумать мотив для желтокожего Косоруков не мог, даже подключив всю свою фантазию. Если это был какой-то дикарский ритуал, то он должен был оставить следы на теле и камнях, а не только дробь внутри него и упыринные укусы.

Да и возможный мотив колдуна тоже вызывает вопросы. Разве что Шалюков нарушил какой-то важный ритуал и именно за это был убит?

Вдруг лошадь, сбив всадника с мысли, тревожно всхрапнула, дёрнулась и попятилась, мотая головой и востря уши.

– Тьфу, волчья сыть! – отчего-то по-сказочному ругнулся себе под нос Дмитрий и подобрал повод покороче. – Чего ты?

Рядом остановился, нервно приплясывая на месте, жеребец Анны.

– Медведь, – сообщила глазастая девушка и кивнула вперёд и в сторону.

Здесь дорогу уже теснее обступили скалистые горы, поросшие редколесьем. Бурая медвежья шкура на фоне сухой травы и камней почти терялась, но хищник был слишком близко, чтобы не заметить. Приподнявшись на задних лапах, он стоял, явно присматриваясь к всадникам.

Не сводя с него взгляда, Дмитрий ошупью отстегнул от седла карабин, вскинул его к плечу, но даже прицелиться не сумел: тонкая девичья ладонь подхватила его под цевьё и подняла вверх.

– Сдурел? – сердито нахмурилась приподнявшаяся в стременах, чтобы дотянуться, Анна.

– Пугнуть хотел, – ответил он, но девушка явно уловила неуверенность в голосе.

– Потому и за ружьём полез, револьвера тебе мало?! – возмутилась она. – Никогда не трогай здесь медведей!

– А если он первый начнёт? – уточнил Дмитрий с озадаченным смешком. Рука у градоначальницы оказалась твёрдая, не по-женски сильная – Да пусти, я понял, дай уберу!

– Не начнёт, – уверенно и хмуро огрызнулась Анна, явно не желая переводить всё в шутку. Смотрела она при этом на хищника, а тот не двигался с места, только опустил на все четыре лапы и поднялся вновь, вытянувшись сильнее. – Это медвежий край. Обидишь духа этой земли – в неё ляжешь.

– Это тебе друг-шаман сказал? – усмехнулся Косоруков.

Госпожа Набель полоснула его недобрым, колючим взглядом, поджала губы и ничего не ответила, а Дмитрию стало стыдно.

– Извини. Ну не верю я во все эти шаманские суеверия! Но обещаю медведей не обижать, договорились?

– Поехали, – коротко бросила Анна.

В этот же момент и медведь опустил на все лапы и неспешной рысцой двинулся прочь по склону. Лошади немного поупрямились, но всё же пошли. Несколько минут всадники двигались в тягостном молчании, которое со вздохом нарушил Косоруков:

– Не сердись. Я совершенно не понимаю, на что ты так обиделась, но хочу понять. А если ты не объяснишь, то обязательно рано или поздно ещё что-то такое сделаю.

Анна вновь глянула искоса, но не зло, а испытующе. Поверив, что собеседник искренен и не насмешничает, смягчилась и ответила:

– Слова шаманов – это не суеверия. Если ты чего-то не понимаешь или не знаешь, не очень-то умно сразу говорить, что этого не может быть. Тем более когда тебе точно говорят, что это не шутки. А я здесь всю жизнь прожила, уж можешь поверить!

– Я могу пообещать молчать об этом, – улыбнулся Дмитрий. – Но принимать что-то необъяснимое на веру не приучен.

– Странно, а крестик просто так носишь? – усмехнулась Анна.

– Нашла что сравнить, – вздохнул он, но это сравнение заставило... нет, не уверовать резко в наличие каких-то шаманских сил, но постараться отнестись серьезнее. Всё же Набель – девушка как будто рассудительная, совсем не похожа на запуганную суевериями крестьянку, и стоит поверить хотя бы ей, если шаману не получается. – Я попробую проникнуться местными верованиями и традициями. Такой ответ тебя устроит?

– Договорились, – наконец смиростивилась она и ответила с лёгкой улыбкой, от которой ведьминские глаза сразу потеплели, а лицо сделалось очень милым и юным. Обычно строгое выражение и хмурая складка между бровей добавляли ей возраста, а вот теперь Дмитрий опять вспомнил, что рядом с ним едет совсем ещё молодая девушка. И прехорошенькая, к слову!

– Главное, не перестараться... – добавил он негромко, себе под нос. И Анна не то не услышала, не то сделала вид.

Глава 5. Пресловутый прииск

Дорога на прииск была довольно широкой и пологой, что не удивительно: здесь проходили тяжёлые телеги, запряжённые мамонтами, это не тропка для верховых. Пара таких даже попалась навстречу, правда, без поклажи. И то верно, с прииска вывозили добычу в куда меньших объёмах и наверняка с хорошей охраной, золото – слишком лакомый кусок для всяческого отребья, пусть даже плохо очищенное. Впрочем, о качестве местных выработок, как и о сложностях добычи благородного металла в целом, Дмитрий знал слишком мало, чтобы с уверенностью судить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.